Международная Объединенная Академия Наук

НАУКА РОССИИ: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Сборник научных трудов

по материалам
XI международной научной конференции

10 октября 2018 г.

Часть 1

LJOURNAL.RU

Екатеринбург 2018

УДК 001.1
ББК 60

Н34

Наука России: Цели и задачи. Сборник научных трудов, по материалам XI международной научно-практической конференции 10 октября 2018 г. Часть 1 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2018. - 80с.

SPLN 001-000001-0341-SR
DOI 10.18411/sr-10-10-2018-1
IDSP 000001:sr-10-10-2018-1

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на XI международную научно-практическую конференцию **Наука России: Цели и задачи**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Электронная версия сборника доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: science-russia.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0341-SR

<http://science-russia.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ	5
Гагаев А.А., Гагаев П.А. О рецензируемых журналах в гуманитарной сфере.....	5
Кулешов В.Е. Методологические аспекты изучения проблемы человека	9
Смирнов М.В. Роль теории гегемонии в развитии социальных наук.....	14
РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ	18
Кравченко В.И. Политическая культура: полисемантизм понимания.....	18
Романов Ю.А. Прошлое и современное состояние политических партий России	22
РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИКА	27
Bessarabova I.S., Liu Tse The role of vocal art in Patriotic education of students in China.	27
Маеркина Е.В. Влияние мотивации достижения на формирование навыков саморегуляции в познавательной активности старшеклассников	30
Нарыкова О.Н. Основные тенденции и показатели эффективности современного профессионального иноязычного образования в рамках межкультурного взаимодействия.....	33
Цыганков Э.С., Шулик Г.И. Специальная физическая подготовка мотоциклистов спецслужб	36
РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛОГИЯ	40
Усольцева В.В., Голенкова Н.А. Основные проблемы повышения личной и профессиональной компетентности воспитателей с различным стажем работы.....	40
РАЗДЕЛ V. ФИЛОЛОГИЯ	44
Гутин И.Ю. Сопоставление принципа «один язык — две письменности» в материковом Китае с принципами «две письменности — три языка» в Гонконге и «три письменности — четыре языка» в Макао	44
Куксова Е.Л. Роль и место французского языка в странах Магриба.....	47
Новикова М.В. Зарождение имажинизма	50

РАЗДЕЛ VI. КУЛЬТУРОЛОГИЯ 55

Казакова Е.А. Культурные «вызовы» современной научной рациональности: к постановке проблемы..... 55

Шаваева М.О. Культурный туризм как фактор развития межкультурных коммуникаций 57

РАЗДЕЛ VII. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ 61

Гостеева А.В. Иконография «праздников» Васильевского чина и их стилистические особенности в сравнении с «праздниками» Благовещенского собора Московского Кремля и Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры..... 61

Статкевич В.О. Изображение свадеб в живописи Фландрии XVII века 66

РАЗДЕЛ VIII. АРХИТЕКТУРА 72

Разина А.О. Архитектурная среда современных санаториев. Особенности проектирования и дизайна..... 72

Янкина А.А. Современный транспортно-общественный центр 74

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ

Гагаев А.А.¹, Гагаев П.А.²

О рецензируемых журналах в гуманитарной сфере

¹Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
(Россия, Рузаевка)²Пензенский государственный университет
(Россия, Пенза)

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-01

idsp: 000001:sr-10-10-2018-01

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о функционировании гуманитарных журналов в России. Критически осмысливается современный формат подачи научной статьи в редакцию журнала. Формулируется положение об игнорировании природы гуманитарного знания в журнальной деятельности (присутствия в нем личностного начала). Утверждается отрицательное влияние журнала на научную мысль (формализм в решении гуманитарной проблемы). Предлагаются пути решения вопроса: изменение формы подачи материала, отказ от градации в определении статуса журнала и др.

Ключевые слова: наука, гуманитарный, журнал, рецензия, личностное, форма, содержание, польза, вред.

Abstract

The article discusses the functioning of humanitarian journals in Russia. The modern format of submitting a scientific article to the journal is critically interpreted. The article formulates a provision on ignoring the nature of humanitarian knowledge in journal activities (the presence of a personal principle in it). The negative impact of the journal on scientific thought (formalism in solving humanitarian problems) is stated. The ways of solving the problem are offered: changing the form of material submission, refusal of gradation in determining the status of the journal, etc.

Key words: science, Humanities, journal, review, personal, form, content, benefit, harm.

*Схема в гуманитарной сфере пагубна.
Авторы*

Чего больше – пользы или вреда от рецензируемых журналов в гуманитарной сфере? Вопрос не праздный и не риторический. Поразмышляем над ним, беспокоясь о науке, каковую, пусть скромно, но представляем.

В настоящее время в научной среде распространен жанр журнальной статьи в рецензируемом издании. Принято, что ученый должен основные положения своего исследования опубликовать в специализированном журнале. Формат публикации строго выверен. Тема, актуальность, изученность проблемы, методология и методика решения задач исследования, содержание научного поиска, результаты, литература – все это должно присутствовать в публикуемом материале. Причем, все как современное. К примеру, список литературы должен включать в себя статьи последних лет отечественных и зарубежных журналов. Статья рецензируется, рассматривается редакционным советом журнала и только после этого публикуется.

Казалось бы, приведенное о рецензируемом журнале разумно, и последний, в массе своей, – кладезь научной мысли. Однако, все не так. Более того, современный гуманитарный рецензируемый журнал, чаще всего (говорим об отечественных

изданиях), – издание уязвимых с научной точки зрения текстов, и только. Думаем, с нашим нелицеприятным мнением согласится большинство ученых-гуманитариев. Согласится если не публично, то в приватной обстановке.

Ища пользы гуманитарному знанию, выскажем несколько положений о функционировании журналов в названной сфере.

Гуманитарное как личностное

Гуманитарная сфера во многом отличается от сферы точного знания. Предмет гуманитарного познания – реалья, вбирающая в себя взгляд (духовность) своего демиурга – ученого, художника, поэта, философа и пр. (оставим без обсуждения вопрос о вмешательстве внешнего наблюдателя в результаты описания физического объекта). Гуманитарное есть творимое в мироздании, социуме и прочем. Творимое как авторское, как то, у чего есть *имя* – привнесение некоего нового во вселенную, того, что, само являясь *неизменно становящимся*, ее меняет, меняет кардинально. По этому основанию гуманитарное знание всегда *личностно*, а значит, если и формализуемо, то сугубо индивидуально. «Индивидуально» на языке ученого в данном случае означает, что формализация осуществляется на основе логики и гносеологии *конкретного* мыслителя.

Тексты Платона, Канта, Гегеля и других гуманитариев есть развертывание именно *платоновской, кантовской, гегелевской* логики и гносеологии.

Сформулированное о предмете гуманитарного поиска дает основания утверждать, что схемы представления полученных результатов исследования, принятые в сфере точного знания, не могут быть в абсолютной степени перенесены в гуманитарную область. В гуманитарном исследовании предмет, его методология, результаты осмысления в пределе своем *единичны*, потому опора на ту или иную принятую в науке когнитивную схему описания обретенного чаще всего уязвима. Единичное *не вписывается* ни в какую схему. А если это и удастся осуществить, то ценою потери многих и многих смыслов, а они и есть результат гуманитарного поиска. Положение, полагаем, очевидное, для Н.Ф. Федорова, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева и других авторов глубоких философских текстов.

Как бы, к примеру, писал свои статьи для современного гуманитарного журнала В.В. Розанов? В каком формате? Полагаем, писал бы в жанре эссе. Этот жанр позволял ему удерживать многие и многие приходящие в его сознание глубокие интуиции. Его мышление свободно являло себя в его философских эссе.

Напечатали бы В.В. Розанова в современном гуманитарном журнале? Не думаем. А отказ в публикации был бы связан с несоблюдением формы подачи материала.

Особо следует высказаться о результате гуманитарного исследования. Контрдовод формулируемому касается именно этой реалии. В журнале, как это требуется, нужно публиковать прежде всего результаты научного поиска, а они могут и должны быть поданы в соответствующей логике.

Некое, действительно, в гуманитарном исследовании может быть оформлено как результат в традиционном понимании этой реалии (как жестко фиксируемое и однозначное). А вот некое не может быть оформлено. К примеру, движения мысли в ее погружении в те или иные смысловые континуумы. Результат в этом случае есть дискурс, развертываемый автором исследования на страницах своей статьи. Иллюстрацией к приведенному являются тексты упоминавшихся В.В. Розанова, Н.А. Бердяева и др.

Таким образом, и результат в гуманитарном поиске не поддается универсализации в отношении формы его представления.

Наш *первый* вывод: к статье гуманитарного содержания не должно предъявлять требование соответствовать той или иной схеме подачи содержания.

Схема в гуманитарном исследовании и его представлении второстепенна. Не ей довольствуй над содержанием (что происходит в современном гуманитарном журнале).

Схема как довлеющее в журнале вредит его содержанию.

Редактор с именем

Гуманитарное издание, как никакое, востребует в качестве своего редактора ученого *с именем*.

Гуманитарное знание в его выводах, в отличие от естественнонаучного и физико-математического, не может быть проверено с абсолютной точностью. Принятие его в научной среде часто требует времени. Годы могут пройти, прежде чем суждение о человеке, социуме, праве, экономике и прочем будет воспринято ученым сообществом. Всякий, кто писал хоть в какой-то степени полемический труд (а это один из критериев глубокой работы), знает, что мнения о нем могут быть у специалистов самые противоположные. Укажем, к примеру, на исследования Г.Д. Гачева и Л.Н. Гумилева. Этим ученым надо было состариться и умереть, чтобы их идеи ожили на страницах докторских и кандидатских исследований в истории и филологии.

Интуиция редсовета журнала в лице главного редактора – критерий перспективности обсуждаемой статьи. Главный редактор, и он только как ученый с именем, в состоянии заметить свежую и глубокую мысль в гуманитарном исследовании. Главный редактор, и он только, может предугадать, какая из направленных в адрес его журнала идей завтра станет обсуждаемой в широких научных кругах.

Редактор с именем не побоится проигнорировать уязвимость работы по каким-либо формальным показателям (нестройность структуры, отсутствие ссылок, не указание современной литературы и пр.). Не побоится и направит в печать оригинальную мыслями работу.

Подобное подобным. Живущий большим может таковое увидеть в плетении слов и суждений в гуманитарном опусе.

В каком из российских гуманитарных журналов главный редактор – ученый с именем? Хотели бы ошибиться, но таковых, полагаем, немного. Гачевы, Гумилевы, Бестужевы-Лады и др. – этих ученых, увы, уже нет. К слову, они и не были никогда главными редакторами журналов. Факт, о многом говорящий. На смену названным ученым в отечественную гуманитарную науку пока никто не пришел. Потому *схема* (форма подачи материала) в российском журнале господствует над содержанием. Это так характерно для России с ее любовью к администрированию всего и вся (включая науку).

Наш *второй* вывод: в качестве редакторов гуманитарных журналов необходимо привлекать ученых с именем. С именем не в официально-академических кругах, а в ученой среде, как в отечественной, так и в зарубежной. Требование это носит категоричный характер.

Можно ли указанное требование реализовать в современных условиях? Можно, если журнал из института администрирования преобразовать в институт науки.

Статус журнала

Полагаем, статус гуманитарного журнала должен быть один, а именно – статус научного журнала.

Не должно быть журналов, включенных или не включенных в перечень ВАК РФ. Не должно быть журналов, включенных или не включенных в международную реферативную базу данных Скопус (Scopus), и т.д. (что вовсе не отрицает возможность создания тех или иных структур в мировой журнальной системе).

Градация журналов в гуманитарной сфере – градация по значимости, научности (!) – приносит больше вреда, чем пользы. Почему? Причина этого опять-таки в

природе гуманитарного знания. Личностная основа гуманитарного знания не позволяет истину ранжировать по основанию «достоверно-недостоверно». Это основание, полагаем, кладется в классификацию международных журналов естественнонаучного и физико-математического профиля. Истина гуманитарно-личностная *множественна*. И в качестве таковой она и может только восприниматься. Соответственно ее критерием не может быть статус журнала (что де-факто происходит). Никакая редколлегия – ваковского журнала, журнала, включенного в базу Скопус, и пр. – не гарантирует вынесения единственно правильного суждения по той или иной статье гуманитарного профиля.

Привнесение в деятельность гуманитарных изданий ранжирования журналов в его современном российском виде приносит в научную среду только дух нездоровой конкуренции, местничества (в журнале печатаются люди одной «научной» школы), субъективизма и общей серости гуманитарных исследований.

Третий наш вывод: ранжирование гуманитарных журналов по (научной) значимости пагубно для науки.

Гуманитарные издания и зарубежные издания

Контрдовод нашим положениям заключается в том, что происходящее в рецензируемых гуманитарных журналах обусловлено необходимостью ввести исследовательскую работу отечественных гуманитариев в общемировой научный поиск. Довод не убедителен. Работающее в другой культурно-научной среде вовсе не обязательно может принести только пользу в другой культурной обстановке.

Во-первых, ученый зарубежья (западный ученый) гуманитарное трактует иначе, чем русский философ, филолог, историк и т.д. Ему (западному ученому) легко алгеброй поверять гармонию. Гуманитарное для него то, что легко препарируется, формализуется и подается в схематическом виде (идеи О. Конта преобладают в гуманитарном мышлении западного мыслителя). Строгая формализация гуманитарного текста для него не проблема.

Во-вторых, «скопусные» и другие аналогичные журналы на Западе являются собой типичное явление. Они обычны для ученого, пишущего филологические, исторические и другие тексты. Публикация в журнале, включенном в базу Скопус и пр., для ученого Европы не инструмент престижа или заработанной платы, а рабочий момент его научной биографии. Это, к примеру, было характерно и для советского ученого, когда он направлял работу в какое-либо отечественное научное издательство. Мотивация к публикации у западного ученого в рецензируемом журнале, таким образом, естественна, то есть та, каковая побуждает писать действительно научную статью.

Российский менеджер в сфере гуманитарных изданий, найдя общий язык с чиновничьими структурами, взял из зарубежного опыта самое простое (равное себе) и, подчеркнем, второстепенное – форму представления материала. Взял и придал ей статус *священной коровы* и занялся *администрированием* в научной среде.

Наш **четвертый вывод**: зарубежный опыт надо использовать, но и его следует трансформировать с учетом отечественной гносеологии и особенностей функционирования научно-исследовательских структур.

Рецензенты

Полагаем, рецензируемый журнал обязан давать отрицательный отзыв или, напротив, печатать работы с указанием *имен* рецензентов. В науке, в особенности гуманитарной, это необходимо. Наука гуманитарная есть наука *полемики* (выше нами это подчеркивалось). Это положение перевешивает доводы о сбережении покоя ученых-экспертов журналов. Настоящий ученый примет как должное высказанные в его адрес претензии по поводу поданной им в редакцию журнала статьи. Примет тем более, если рецензия будет именная.

Именной характер рецензий резко повышает ответственность и автора отзыва и всего журнала, а соответственно, совершенствует и квалификацию рецензента.

Где сейчас те, кто анонимно (для авторов) писал отрицательные рецензии на работы Л.Н. Гумилева, Г.Д. Гачева и других? Будь эти рецензии именные, их авторы вряд ли решились бы столь категорично отметить суждения названных гуманитариев.

Извлекли ли уроки редакции тех журналов, каковые отказывали в публикации упомянутым гуманитариям?

Имя в гуманитарной сфере (имя того, кто оценивает статью, ее место в ряду аналогичных, степень ее цитирования и пр.) – обязательная составляющая всякого рейтинга.

Итог

Что же делать? Может быть, просто подождать. Все само собою образуется. Болезни роста (развития) обсуждаемой реалии – введения отечественных гуманитарных изданий в международную научную среду – прекратятся. Не думаем, что это произойдет. Настоящие ученые в стране, а их не так много, перестанут таковыми быть. Плохое заразительно. Форма, об этом еще писал Аристотель, *содержательна*. Ее влияние на мышление человека нельзя недооценивать. Гуманитарное знание уязвимо по природе своей, как и душа человеческая.

Гуманитарный журнал надо сделать действительно *научным*. Для этого надо решить поставленные нами проблемы.

И последнее. Все ли мы верно сформулировали? Наверное, не все. Главное для нас – *закричать* об обсуждаемой проблеме. Закричать, потому что *другие* не кричат. Закричать, дабы те, от кого действительно зависит журнальное дело в стране, задумались, куда они ведут отечественную гуманитарную мысль.

Кулешов В.Е.

Методологические аспекты изучения проблемы человека

*Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-02

idsp: 000001:sr-10-10-2018-02

Аннотация

Проблема человека, личности во все времена была и сегодня остается одной из актуальных философских тем. Ее содержательная бесконечность требует выделения методологических аспектов исследования, которые диктуются как сложностью проблемы, так и динамикой изменения социального бытия. Среди них значимыми являются: раскрытие специфики человека как *homo sapiens*; учет данных всех областей знания о человеке; учет всех факторов формирования личности; рассмотрение самореализации человека как цели общественного прогресса; учет вечной открытости темы и др.

Ключевые слова: человек, личность, самосознание, самореализация, методология исследования.

Кто я? Это первый вопрос, от ответа на который зависит жизненная позиция конкретного человека, а, значит, и результаты его краткого, по историческим меркам, пребывания на земле. Но этот ответ не заложен в генетической программе. Его необходимо искать, чем и занимаются в той или иной степени все гуманитарные науки, а также художественная литература. Индивиды являются теми первичными элементами, из которых складываются социальные группы и общество в целом. За любыми массовыми движениями и общественными преобразованиями стоят интересы,

потребности конкретных людей. Именно эти потребности являются первопричинами любых социальных изменений. Знать людей, ориентироваться в их духовном мире и мотивах поведения необходимо прежде всего для того, чтобы в максимальной степени гармонично жить среди них, успешно разрешать свои жизненные проблемы, а также эффективно осуществлять управленческую деятельность. Человек является одним из самых сложных объектов изучения. Для субъекта познания он практически представляет бесконечность. Но именно знания о человеке являются наиболее ценными для субъектов власти и управления, для каждого из нас, так как только на их основе возможна счастливая жизнь, о которой во все времена мечтали люди.

Вся история социально-философских наук связана с попытками понять сущность и предназначение человека. В современной литературе можно найти несколько десятков различных определений человека. Естественно, что для современных исследователей главными являются особенности его сознания, которые детерминируют потребности и практические действия. Наука пока не ответила, когда и как возникла жизнь на планете Земля. Не в состоянии она дать окончательные ответы и на многие другие вопросы. Но за тысячелетия ею пройден определенный путь по направлению к истине, и у нас есть основания не сомневаться в ценности уже достигнутых результатов. Когда мы это говорим, мы уже представляем человека как существо познающее, активное и, значит, изменяющее окружающую реальность. «Знание, – писал известный социолог П. Сорокин, – в отличие от всяких монархов и властителей, с ходом истории не только не теряет свою власть, а увеличивает ее. Из ничтожной силы, каковым оно было на заре истории, оно становится повелителем и готовится стать всевластным монархом, контролирующим и управляющим всеми видами энергии и всеми факторами поведения» [2, С. 145]. Не будь этого познавательного процесса – и природная жизнь находилась бы в некоем установившемся веками колеблющемся равновесии. Так, например, количество зайцев в лесу регулируется количеством волков и наоборот.

Поведение любого животного определяется инстинктами, заложенными в него природой. Они представляют собой неосознаваемые (неанализируемые) предусмотренные генетической программой влечения, действия, позволяющие выживать, добывать пищу, размножаться и так далее. Некоторые из них реализуются в увязке с процессом научения. Мы можем констатировать, что животное обладает сознанием, но его у него столько, чтобы ориентироваться в пространстве для обеспечения жизни как биологического существования. Направленное на внешний мир, оно как бы вписывает своего носителя в природу, соединяет с ней, превращает в ее часть, не выделяя из окружающего мира. Сознание животного не позволяет видеть самого себя как отдельное существо.

Какая же особенность, характеристика должна появиться у живого существа, чтобы оно превратилось в человека? Когда, по какой причине и как осуществился этот переход, науке, опять-таки, пока не известно. Но нам доступно наблюдение результата, а, значит, и его исследование. Метафорически выражаясь, мы можем сказать, что у животного должны были появиться «излишки» сознания, которые уже не нужны для поддержания и обеспечения вышеназванного биологического существования. Куда они будут направлены в первую очередь? Ответ дает современная человеческая реальность: «На самого себя». Вот в этом моменте разворота сознания на своего носителя (появления самосознания) и пролегает граница между животным и человеком, так как стартует череда ранее не существовавших вопросов, первым из которых, естественно, является «Кто я?» Задав этот вопрос, сознание отделило человека от природы, превратило его в объект собственного познавательного интереса, но и природа одновременно предстала уже «наблюдаемой со стороны», непонятной, неизведанной, а, значит, также вызывающей вопросы. Человек обречен искать на них ответы, то есть познавать и себя, и окружающий мир. Как отмечал А.Шопенгауэр, «мир, в котором

живет человек, зависит прежде всего от того, как его данный человек понимает, а следовательно, от свойств его мозга: сообразно с последним мир оказывается то бедным, скучным и пошлым, то наоборот, богатым, полным интереса и величия» [3, С. 32]. Истинное человеческое счастье оказывается в прямой зависимости от духовного развития самого человека.

Достигнутый сегодня уровень материальной и духовной культуры свидетельствует, что познание в человеческой истории было не только постоянным, активным, но и созидательным. В этом контексте история предстает путем открытий, а человек в ней существом творческим. Ведь все, что наш современник в процессе образования получает в «готовом виде», когда-то было неизведанным, недоступным. Стимулом же для творческой активности было и остается равнодушное отношение к собственной жизни и к ее результатам. В отличие от животного человек уже в раннем возрасте узнает, что доставшаяся ему жизнь не вечна, что он рано или поздно умрет, с чем сознанию очень трудно смириться, – оно пытается найти оправдание собственному существованию и объяснить самому себе его смысл, который становится высшей ценностью, заставляющей ставить и достигать значимые цели.

Современная наука стремится познавать духовный мир человека, особенности сознания, мотивы поведения. В центре внимания исследователей находятся такие проблемы, как отношения индивида и общества, факторы формирования личности, нравственные аспекты его жизни, то есть изучаются те вопросы, которые действительно являются человеческими. Они присущи только человеку и вытекают из особенностей человеческого существования. Сама сложность объекта изучения, трудность, а иногда и невозможность дать исчерпывающие однозначные ответы на возникающие вопросы объективно детерминируют множество различных концепций и точек зрения на проблему человека.

В бывшем Советском Союзе в прошлые десятилетия при изучении марксистско-ленинской концепции личности абсолютизировалась идея о детерминационной зависимости человека от общественных отношений. При этом не замечались многочисленные высказывания Маркса о самоценности человека и человеческой жизни и даже тот, очевидный факт, что сам Маркс и сам Ленин были не только независимы от общественных отношений, но и небезуспешно боролись о ними. Само собой разумеется, что все другие концепции, объявлялись антимарксистскими, буржуазными, и советскому читателю предоставлялась возможность знакомиться лишь с их критической интерпретацией. Подобная идеологизация науки (хоть в марксистском, хоть в антимарксистском направлении) не только обедняет знания о человеке, но и ограничивает творческий потенциал мышления читателей и слушателей.

Поэтому сегодня диалектический анализ различных концепций и учет данных всех отраслей знания о человеке является важнейшим методологическим положением, которое необходимо учитывать при изучении проблемы. Нельзя монополизировать право на истину одними, отказывая в нем своим оппонентам. Исследование проблемы человека можно сравнить с исследованием Вселенной. Каждый ученый пользуется своим научным инструментарием, смотрит на человека «со своей собственной колокольни». Поэтому объективно каждый из них видит в личности то, что не видно другому. В большинстве случаев идеи крупных мыслителей не исключают, а дополняют друг друга. Противоречия же чаще всего существуют не между концепциями ученых, а возникают в сознании изучающего их из-за недиалектического, догматического стиля мышления. Повальная критика в прежние годы большинства западных философов, как и аналогичная, появившаяся в перестроечный период, критика марксизма, не может быть плодотворной, так как в произведениях любого крупного ученого даже при наличии стратегических ошибок имеются рациональные зерна.

Важно иметь в виду, что проблемой человека, кроме философских, занимаются другие науки, а также литература и искусство. Часть ученых даже отдают приоритет последнему. В отличие от ученого, вынужденного придерживаться алгоритмов доказательности, художник абсолютно свободен в поиске истины. Он не доказывает, а показывает. Его богатый духовный мир, многообразие и разносторонность интересов позволяют интуитивно «схватывать» истину, предвидеть развитие событий, на многие годы опережать науку в социальном прогнозе. Удивительно точным является «Предсказание» поэта М.Ю.Лермонтова, написанное почти за 80 лет до революционных событий в России:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон... [1, С. 40].

Поэт как бы растворился в социальном мире, вместил его в себя, благодаря чему почувствовал, ощутил недоступные ученой логике тенденции и перспективы развития российского общества. Нельзя не согласиться, что без учета и использования данных различных наук и опыта литературы и искусства методология анализа проблемы будет односторонней, неполной.

Рассмотрение основных современных концепций человека детерминирует такое методологическое положение, как учет многообразия всех факторов формирования личности. Их очень много. Определенная роль принадлежит объективным факторам самого общества, то есть характеру экономических, политических отношений, той социальной и культурной среде, в которой живет и формируется индивид. Сама история развития научных взглядов на человека показывает их зависимость от бытия, от уровня развития цивилизации и культуры. Объективный мир ограничивает бесконечные чаяния, надежды, запросы личности (бессмертие, слава и т.п.) и заставляет реально оценивать свои жизненные возможности и варианты. Игнорирование реальности, поднятие планки на недостижимую высоту приводит в итоге личность к жесточайшему разочарованию, к утрате смысла жизни, к трагедии. И наоборот, реалистический подход к проблеме заставляет человека, с одной стороны, изначально примириться с ограничениями, а с другой – наполнить свою практическую деятельность объективным ценностным содержанием. Таким образом, условия бытия, жизненные обстоятельства влияют как на жизненные цели, так и на возможности, на полноту их реализации. Необходимо иметь в виду, что объективные факторы общества не несут в себе целеполагания. Человек находится в их окружении и приспосабливается к ним, чтобы успешно решать свои жизненные проблемы и задачи.

Также определенное влияние на формирование человека оказывает такой фактор, как пространственная и природно-географическая среда. Природные условия накладывают отпечаток на физическое развитие, на психический склад человека. Постоянная жизнь, например, в тундре или в тайге формирует необходимые для этого качества, черты характера личности. Они будут иметь свою специфику. Данный фактор также объективен, существенное его отличие заключается в том, что формирующее воздействие на личность в данном случае оказывает природа, к которой человек также вынужден приспосабливаться, чтобы выжить.

Наряду с объективными факторами в обществе существует субъективное целенаправленное воздействие на личность. Прежде всего это система обучения и воспитания. Субъекты власти заинтересованы в том, чтобы представители живущего и вступающего в жизнь поколения были носителями определенных, нужных на данный момент и на ближайшую перспективу физических, профессиональных и духовных качеств. Эта задача решается семьей, детскими дошкольными учреждениями, школами,

вузами, средствами массовой информации. Необходимо иметь в виду, что во все времена государственные институты всегда были заинтересованы в том, чтобы население страны было управляемым. По этой причине официальная идеология может пропагандировать ценности, уводящие индивида от его нравственного предназначения. Это возможно при отсутствии у него широты и диалектичности мышления.

Наряду с вышеназванными особого внимания заслуживает такой фактор формирования личности, как самовоспитание. Оно начинает действовать при условии достаточно развитого духовного мира человека, когда у него появляется потребность в самосовершенствовании. Именно этот фактор делает индивида уникальной, неповторимой личностью. Только самовоспитание способно поднимать человека к вершинам профессионализма и духовной культуры. В этом случае он перестает быть рабом обстоятельств, плыть по течению, а сам ставит перед собой жизненные цели и преодолевает препятствия для их достижения. Биографии всех известных изобретателей, писателей, деятелей искусства свидетельствуют, что путем к успеху была самостоятельная напряженная работа, иногда без официального высшего образования. Никакой престижный вуз не поднимет индивида к вершинам профессионального мастерства на каком-либо поприще, если он сам целенаправленно не будет работать на максимуме своих возможностей. Для этого необходима сила воли. А она начинает действовать при наличии значимой цели, имеющей жизненную ценность. Другой силы, способной преодолевать природную лень не существует. При многократных социологических опросах среди ученых большинством из них было заявлено, что в их успехе таланту принадлежит только пять процентов, а остальные девяносто пять – работоспособности.

Следующее методологическое положение – рассмотрение человека, его развития как цели общественного прогресса – позволяет на гуманистической, нравственной основе соотносить интересы человека и общества. Нельзя их противопоставлять. Общество состоит из индивидов. И только счастье всех и каждого делает общество счастливым. К сожалению, в нашей стране в не столь отдаленные времена субъектами власти в теорию и практику была внедрена догматически трактуемая точка зрения, считающая, что предназначение человека заключается в созидании прекрасного будущего. При этом затушёвывались, отодвигались на второй план проблемы, муки, сомнения индивида, живущего в настоящем, что позволяло наиболее безболезненно превращать его в машину, работающую на будущее.

В советскую мораль были успешно внедрены принципы вроде: «На первом месте – общественное, на втором – личное», «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Нельзя не согласиться с патриотической, гуманистической направленностью этих формул, но в реальной социальной практике, в нашей действительности они являлись основанием для противопоставления интересов личности и общества. Насаждалась в народных массах нравственная норма отказа от личных интересов и потребностей ради создания прекрасного завтра.

Но такой подход закономерно ставит исследователя перед дилеммой: или интересы, потребности личности антиобщественны, или общественные отношения противоречат интересам человека, личности. А так как отношения, существовавшие в СССР, объявлялись изначально и вне сомнения самыми справедливыми и гуманными в мире, личность автоматически оказывалась заключенной в жесткие поведенческие рамки. Но и до советского периода истории при монархических формах правления жизнь «простого» человека в глазах «господ» не имела самостоятельной ценности. Ее как навоз можно было положить в землю, чтобы получить нужные плоды.

Таким образом, рассмотрение человека, как цели общественного прогресса, выступает не только как методологическое положение научного анализа проблемы, но и как руководящий принцип социальной политики, соблюдение которого дает

возможность большинству людей реализовать себя практически. Выполнить свое предназначение на земле – это право каждого пришедшего в этот мир. Но история свидетельствует, что это право не дарится субъектами власти. Оно завоевывается человеком через образование, которое повышает способность отстаивать и защищать свои интересы в различных социальных условиях. И только высокий уровень культуры большинства населения превращает политические отношения в обществе в демократические. С людьми обращаются, как со стадом в той степени, в какой они этим стадом являются.

Проблема *homo sapiens* – это всегда открытая для изучения тема. Законченность здесь невозможна. Человек и его сознание изучаются самим этим сознанием, которое не может увидеть самого себя целостно. Сложное дано окончательно познать только более сложному. Но каждый шаг в познании человека – это движение к культуре, к цивилизованности, к очеловечиванию самого себя и других.

1. Лермонтов М.Ю. Стихотворения. – Саранск: «Красный октябрь», 1996. – С.40.
2. Сорокин П. Общедоступный учебник социологии. – М.: Наука, 1994. – С. 145.
3. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. – Минск: Консен-Универсал, 1998. – С.8.

Смирнов М.В.

Роль теории гегемонии в развитии социальных наук

*Череповецкий государственный университет
(Россия, Череповец)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-03

idsp: 000001:sr-10-10-2018-03

Аннотация

Основной проблемой социологии и социальных теорий остается ориентация и привлечение обратной связи – нормативных суждений и убеждений актантов и их собственных социологических квалификаций. В статье демонстрируется теория гегемонии А. Грамши, ее преимущества и влияние на развитие ряда теоретических направлений в сторону более прагматических оснований для социальных исследований.

Ключевые слова: гегемония, дискурс, прагматизм, обратная связь, репрезентация, артикуляция, практика.

Abstract

The main problem of sociology and social theories remains the orientation and attraction of feedback - the normative judgments and beliefs of the actants and their own sociological qualifications. The article demonstrates the theory of A. Gramsci's hegemony, its advantages and influence on the development of a number of theoretical directions towards more pragmatic grounds for social studies.

Достаточно серьезной проблемой в социологии и социальных дисциплинах по сей день считается отсутствие обратной связи с актантами, артикулирующими свои нормативные суждения и устанавливающими свои социологические квалификации. Проблемой является и вовлеченность самого исследователя в исследуемый им предмет, его социальный, аксиологический, дискурсивный контекст – т.е., так называемая субъект-объектная тождественность.

В западноевропейской и американской социологии эту проблему пытались решить через: 1) преодоление метафизики, всестороннее нивелирование всего инструментария объяснения, дедукции причинно-следственной связи – попытку обосновать автономность и независимость научного дискурса; 2) прагматизм и ориентацию на практику – попытку обосновать в качестве центрального прикладной критерий результативности, а не истины.

Тот же самый вакуум обратной связи пытался восполнить и историко-диалектический дискурс западноевропейской философии. История марксизма или психоанализа – это история постоянных ревизий, отступлений и политической борьбы. Историко-диалектическая мысль либо до предела все тотализирует, либо до предела все нивелирует, отдавая все на откуп духу, политической воле или случайности.

В отношении второго момента, связанного с преобладанием духа над материей, можно сказать, что со всей ясностью он проявился в первой половине XX века в трудах А. Грамши и Д. Лукача. Именно исторический контекст историко-диалектической рефлексии скорректировал ее развитие от метафизики к прагматизму в теории гегемонии этих неомарксистских мыслителей.

И хотя изначально рефлексия гегемонии велась в границах политического действия, впоследствии теория гегемонии оказала большое влияние на изменение представлений о социальности, методологии социальных исследований.

Отечественный марксист Б. Ю. Кагарлицкий определяет грамшианский подход, как систему компромиссов, обеспечивающую власть на основе гегемонии, а не диктатуры [1, С. 178]. В логике грамшианской традиции проблема демократии состоит в том, чтобы изменить условия компромисса. Это своеобразный примат целесообразного действия, его влияния на социальную пропозицию, нежели ожидание удачной комбинации условий; теория решения, принятого в пространстве неопределенности, децентрированности и хаотичности, которое только и создает устойчивость в нем.

Расхождение теории с практикой для марксизма в 20-30-е годы XX века, оказалось слишком очевидным, чтобы не предпринимать новый пересмотр теоретических канонов. Итальянский мыслитель пытался обосновать возможность социальной революции в Европе через создание контргегемонии угнетенного класса по отношению к доминирующей буржуазной культуре, которой удалось стабилизировать революционную ситуацию путем привлечения на свою сторону гражданского общества.

Следуя логике А. Грамши, буржуазия смогла предотвратить революцию, создав гегемонию в культурной сфере. Задача рабочего класса – построить контргегемонию, используя весь имеющийся для этого потенциал. Непосредственным авангардом в этом отношении должна выступить интеллигенция, органичная надеждам угнетенных масс.

Интеллигенция должна стать популяризатором идей философии практики, мостом между обыденным сознанием и «высшей» философией. «Будучи по своей тенденции философией масс, философия практики может мыслиться лишь в полемической форме, в непрерывной борьбе. И тем не менее отправным пунктом всегда должно быть обыденное сознание, ибо оно представляет собой спонтанную философию масс, и задача в том, чтобы придать ему идеологическую однородность» [2, С. 151].

А. Грамши принято считать одним из основоположников дискурсивной теории, дискурс-анализа [3, С. 38]. Его учение о гегемонии, гражданском обществе лежат в плоскости представления об обществе, как сотканном из противоречий

взаимоотношений индивидов, реализующих себя в различных социальных группах, имеющих то или иное политическое или идеологическое влияние.

В дискурсивной структуре идея гегемонии позволяет увидеть, кто из агентов дискурса находится во властной позиции по отношению к другим, как он реализует свою позицию и за счет чего. Какие доминирующие идеи создают эти агенты и почему они являются таковыми. Социальное воспринимается как дискурсивное пространство, заполненное репрезентациями, воссоздающими те или иные кальки или карты социальных и межличностных отношений.

Теория гегемонии в этом аспекте очень сильно приближается к нормативному прагматизму, поскольку самоопределение здесь делегируется самим актантам, а не является привилегией теоретических конструкций. «Понятие субъекта предшествующего субъективации устанавливает центральность категории «идентификации», что дает возможность говорить о гегемонических трансформациях, которые полностью зависят от политических артикуляций, а не от сущностей, организованных за пределами политического поля, таких, как «классовый интерес»» [4, р. XI].

Гегемонию, в отличие от физикалистской или натуралистической парадигмы, т.е. по сути метафизики, характеризует: 1) отсутствие претензий на универсальность и свою абсолютность; 2) понимание конвенциональности своих оснований; 3) ориентация на дух и более широкая мобильность, ориентированная на достижение цели; 4) нивелирование всего лишнего, номинализм; 5) установление обратной связи с фиксацией критериев ее селекции.

Подобного рода ориентация гегемонии предполагает структурно-символическое пространство, где реляционность ситуации определяется наличием дискурсов, репрезентирующих свое содержание, как определенную картину мира. «Понятие гегемонии предполагает, что в теоретическом поле доминирует категория артикуляции» [4, р. 93], которая, как практика, устанавливает связь между элементами этого поля так, что их идентичность изменяется в результате этой артикуляционной практики.

Таким образом, идея гегемонии для социального исследования имеет значение, утверждающее в качестве действительного все артефакты, вещи, дискурсы и суждения, которые артикулирует сами актанты и которые присутствуют во всем своем многообразии аффектов и причин, их формирующих. Именно через создание гегемонии в области своей нормативности, актанты и пытаются преодолеть устоявшийся порядок распределения величия, заявить о своем положении и способствовать его огласке – а не какие-либо дедуктивно фиксируемые законы «борьбы противоположностей» или «перехода количества в качество».

Именно применение теории гегемонии позволяет увидеть, что любое значение, социальный процесс, противоречие или ситуация – конструируются самим исследователем, а не открываются и не находятся.

Теория гегемонии А. Грамши оказала влияние как на лингвистический поворот в гуманитарных дисциплинах, где оформила методологию дискурс-анализа, так и на прагматический поворот в социологии, где акторно-сетевое восприятие действительности и процессов не устанавливает границ между природой и обществом, человеком и вещью, не делает разницы между социальным статусом индивида и тем, какие нормативные убеждения он при этом артикулирует. В действительности имеет смысл только обратная связь – те социологические квалификации и суждения, которые воспроизводят сами актанты, а также то, как они добиваются при этом иллюзорной

действительности и первичности своих дискурсивных репрезентаций в качестве иерархического порядка социальных правил объяснения и норм восприятия. И только этот момент может выступать для социальной науки непосредственным и первичным.

1. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 320 с.
2. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. / Пер. с ит. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
3. Русакова О. Ф., Ишменев Е. Ф. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург: «Дискурс-Пи», 2006. – С. 36 – 48.
4. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. Second Edition. – London: Verso, 2001. – 198 p.

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТОЛОГИЯ

Кравченко В.И.

Политическая культура: полисемантизм понимания

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-04

idsp: 000001:sr-10-10-2018-04

Аннотация

Исходя из полисемантического понимания термина «политическая культура», автор рассматривает возможности формирования политической культуры в современных условиях.

Ключевые слова: Культура, политическая культура, сознание, народ, конституция, демократия, реальность, партия, чувство, долг.

Abstract

Proceeding from the polysemantic understanding of the term "political culture", the author considers the possibilities of forming a political culture in modern conditions.

Keywords: Culture, political culture, consciousness, people, constitution, democracy, reality, party, feeling, duty.

Показателем культуры служит утвердившееся в обычае сознании человека чувство долга и ответственности. «Там, где оно исчезает, там начинается одичание нравов. В простейшем виде это сознание обязанности каждого сводить свои счета в связи со своими средствами, платить долги свои, в деле частном и общественном давать себе и всем, кому должно, отчет в употреблении денег по долгу или поручению, сознание обязанности мастера исполнить заказанную работу. Когда общество доходит до того, что это самое элементарное сознание истощается, когда самая мысль общественная извиняет и оправдывает явное нарушение долга в малом, тогда истощается мало помалу способность протеста и негодования на нарушение дела в великом, общественном и государственном деле, бледнеют и спутываются самые основные понятия, на коих утверждается порядок общественной жизни. И тогда столько бы ни усиливалось в обществе умственное развитие, как бы ни совершенствовались внешние условия цивилизации, - культурное состояние такого общества жалкое и опасное» [З.С.63-64].

Политическая культура — это обширная сфера общей культуры человечества, которая непосредственно связана с политикой. Она выражается в достигнутом уровне, качестве и направленности политического бытия человека, политической жизни общества и, соответственно, в характере политических процессов, политической деятельности людей. Результативностью проявления политической культуры в любом обществе является "политический человек" как субстанция политической реальности, а также качество политической жизни общества. Само понятие "политическая культура" сравнительно недавно вошло в систему категорий политических и социальных наук. Существенную роль в процессе институционализации данной категории сыграли работы американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы, [1.] находящихся как бы на пересечении сферы культуры и сферы политики. «Человек, согласно теории американских политологов, выступает носителем трех взаимосвязанных типов политической культуры: патриархальной подданнической и активистской. Такое деление политической культуры на три типа, на наш взгляд, весьма условно как по форме

проявления, так и по содержанию, поскольку люди сами творят обстоятельства (в том числе и политические), в такой же мере, в какой обстоятельства творят самих людей и в этом, прежде всего, проявляется «политическая культура» человека». [7.] Автором понятия «политическая культура», употребляемого в широком, философском смысле, принято считать немецкого философа – просветителя И. Гердера (1744—1803), изучавшего проблемы взаимодействия культуры и политики. Гердер отвергал представление, будто возникновение религии вызвано бессознательными страхами примитивного человека, и выдвинул взамен теорию, согласно которой религия — это одна из первых по времени попыток человека в доступной для него форме объяснить окружающий мир. Таким образом, Гердер связал религию с мифологией и примитивными формами поэзии. Он рассматривал человека как часть природы, а разнообразные формы развития человеческой культуры — как следствие влияния на него естественных условий. Оппонентом Гердера выступил И. Кант, согласно представлениям которого, человек познающий, в конце концов, освобождается от влияния внешнего мира. Поведение человека определяется тогда только его собственным разумом, когда он следует моральному императиву. Такое утверждение немецкого философа, сегодня является наиболее актуальным, поскольку политическая культура неотделима от уровня и качества жизни человека во всех аспектах её проявления. Она представляет собой комплекс тех элементов и феноменов общественного сознания, которые в значительной мере влияют на формирование, функционирование и совершенствование политических институтов, придают значимость и направление политическому процессу в целом, политической деятельности и поведению широких масс населения.

По мнению польского социолога А. Боднара, к политической культуре следует относить: знание политики, фактов, оценку политических явлений, оценочные суждения, касающихся того, как должна осуществляться власть; эмоциональную сторону политических позиций, например любовь к родине, ненависть к врагам; признание в данном обществе образцов политического поведения, которые определяют, как можно и следует поступать в тех или иных ситуациях. Такое понимание политической культуры, на наш взгляд, весьма актуально для характеристики современных политических деятелей из числа депутатского корпуса, выступления которых ярче всего характеризуют их политическую культуру. [7.]

С точки зрения российского исследователя В. А. Щегорцева, категория "политическая культура" может быть рассмотрена в следующих аспектах: как центральный важнейший элемент общей системы культуры, как характеристика степени знания, понимания, усвоения и претворения в жизнь массами политики государства, как характеристика уровня знания о гражданских правах и свободах, степени их использования, как характеристика включенности в политическую жизнь общества и государства, как характеристика глубины политической убежденности и сознательности, как характеристика степени развитости политических институтов, как характеристика существующей политической системы, степени ее демократичности и эффективности». [11.С. 31.]

На наш взгляд, политическая культура - это многоаспектное явление, имеющее глубокие исторические и психосоциальные корни, отражающие демократическую эффективность политической культуры. Наряду с рациональными позициями и целевыми действиями в ее рамках существуют феномены, обусловленные нерациональными и, в силу этого, не поддающимися простому причинно-следственному объяснению факторами. Различные элементы политической культуры обладают неодинаковой степенью устойчивости и функциональной значимости и при этом находятся в определенном соподчинении. Имея в виду это обстоятельство, американский социолог У. Розенбаум предлагает выделять компоненты ядра политической культуры, т. е. такие ее элементы и феномены, которые играют основополагающую роль в формировании "политического порядка нации", и

рассматривает три основные группы ориентации, которые, вероятно, позволяют получить необходимое представление о политической культуре данного общества. Это ориентации в отношении правительственных структур «ориентации режима»; ориентации в отношении других политических систем «политические идентификации»; ориентации в отношении собственной политической деятельности «политическую компетентность».[8.С.6.] Подобная классификация раскрывает значимость ценностного ряда некоторых компонентов политической культуры. Вместе с тем, американский исследователь не рассматривает все пространство политической культуры, в пределах которого и должны анализироваться ее структурообразующие элементы. Однако, если согласиться с тем, что политика - это только и исключительно политические правила, которые зависят от нормативного отношения к ним, то с исчезновением нормативного отношения к правилам исчезает и вся политика. По крайней мере, она постепенно сокращает свое присутствие в отношениях власти и общества. Происходит деполитизация социальной жизни, сокращение сферы властного вмешательства в нее. Таким образом, мы получаем негативистский тип в трактовке политической культуры, как пишет профессор А.Соловьев.[9.]

С точки зрения «консенсуальной коммуникации» (Ю. Хабермас)[следует признать, что современная политика постепенно превратилась в вопрос администрирования процессов, которые подрывают статус гражданина и человека, путем включения механизмов критического обсуждения ценностей, т. е. продуцируя культуру. В результате мир политики будет трансформирован и станет таким, каким его хотело бы видеть большинство людей. Хабермас считает, что это осуществимо через консенсуальную коммуникацию, способную обеспечить координацию и социализацию действий на основании социокультурных норм, которые граждане готовы были бы разделять и поддерживать.

Наконец, имеет хождение и набирает популярность, особенно в Европе, конструкционистский подход (Э.Дюркгейм и М.Вебер), занимающий как бы промежуточное положение между субъективизмом и объективизмом. По мнению конструкциониста, политику наделяют смыслами сами мыслящие и чувствующие люди. Но, в отличие от "чистого" субъективиста, конструкциониста интересует выработка "подлинных" смыслов и отказ от смыслов "ложных", воссоздание поля истинных значений между сознанием и предметами. В этом случае, мы не выводим смыслы из ничего, а как бы конструируем их из наличного материала. Поэтому нужно отличать взгляды, которые соответствуют нашему жизненному опыту, от взглядов, ему противоречащих. Именно первые и составляют культуру. Такое понимание политической культуры определяется уже чисто феноменологически как нормативное отношение к политике. При этом нормы трактуются иначе чем у объективистов не как поведенческие стандарты, а как стоящие за ними моральные принципы и ценности. Здесь следует признать, что социокультурные нормы должны отражать не только реальную политическую ситуацию, но и политическая власть, чтобы ей подчинялись, в свою очередь, она должна соответствовать принятым в обществе культурным нормам. Так, Вебер считал жизнеспособной только власть легитимную, т. е. такую, распоряжения которой выполняются добровольно, с готовностью, а не из страха или утилитарной выгоды. Он условно делил легитимную власть на рационально-законную, традиционную и харизматическую. Одних людей можно убедить или побудить действовать доводами разума, других — призывами к выполнению нравственного долга, третьих - играя на их более или менее возвышенных или низменных чувствах. Рационально- законная легитимность, по Веберу, основана на вере в законность и на готовности граждан подчиняться правилам, которые формально корректны и вводятся властными инстанциями с помощью общепринятых процедур. Традиционной легитимности правители добиваются, апеллируя к религиозному массовому сознанию, опираясь на культурные символы и историческую память народа, призывая к выполнению нравственного долга. Харизматическая легитимность, в свою очередь,

невозможна без эмоциональной привязанности населения к конкретному лидеру, который воплощает для группы людей некую высокую идею, представляется им образом исключительной святости или героизма. Идеалистический тип конструкционистского подхода шире трактует онтологические возможности агента. Здесь принято считать, что соответствующий политический контекст и связанные с ним правила становятся невозможными, если люди отказываются играть отведенную им в рамках контекста политическую роль, которая в соответствии с политическим статусом определяет реальную политическую культуру общества.

Следует признать, что существующие подходы к пониманию самого термина «политическая культура» не предполагают завершенного определения, а лишь расширяют границы его теоретических возможностей.

Анализируя современную сложившуюся ситуацию, следует признать, «что во всех динамичных политических системах возможно возникновение напряженности, связанное с тем, что процесс социализации не может изменяться так же быстро, как политический процесс, и воспроизводимая социумом политическая культура вступает в противоречие с его новыми потребностями. «В условиях радикально (и бессистемно) реформируемых обществ, а тем более в условиях революционных преобразований эта напряженность может перерасти в глубокий политико-культурный кризис, выход из которого лежит на пути становления новой политической культуры.[10.С.43]. В этой связи, становится очевидным, что процесс становления новой демократической системы политического управления неотделим от формирования гражданской политической культуры. Не случайно, Алмонд и Верба писали по этому поводу, что гражданская культура является результатом постепенного политического развития - относительно бескризисного, спокойного и естественного[1.], однако данный процесс лишь отчасти поддается регулированию.

Хотя формирование новой модели политической культуры и занимает многие годы, вполне возможно, на наш взгляд, ускорить данный процесс посредством проведения последовательной политики, направленной на стимулирование активного политического участия граждан. К мерам такого плана следует отнести культивирование местного самоуправления, организацию всевозможных гражданских форумов, стремление к открытой и ответственной правительственной политике и т.д. Таким образом, в заключение следует сказать, что именно эффективность демократической системы политического управления обуславливается не только институциональными политическими реформами, но, прежде всего, формированием демократической, гражданской политической культуры, становление которой следует поддерживать как один из основных приоритетов государственной политики.

1. Almond G., Verba S. The Civic Culture; Political Attitudes and Democracy in Five Countries Princeton. 1963. P.13.
2. Баталов Э.Л. Русская идея и Американская мечта. М, 2001. С. 69-70.
3. Вопросы жизни. Сборник статей. М.: Синод. Тип. 1904.-70 с.
4. Глитикова А.Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество - к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9. с.4-6
5. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001. -230с.
6. Конституция Российской Федерации. СПб., 1998. . 85с.
7. Кравченко В.И. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия и развития. Монография.-СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.-272 с.
8. Rosenbaum W. Political Culture. N.Y.1975.P.6-7.London, 1994.P.30 -
9. Соловьев А. Политический облик постмодернизма. Очевидность явления. // Общественные науки и современность.2001.№5.С.67-71.
10. Федосеев А.А. Теоретико –практические аспекты Российской политической культуры. //Материалы научно-практической конференции. «Политическая культура современного российского общества: состояние и перспективы.04.04.02 Санкт-Петербург.46 с.
11. Щегорцев В.А. Политическая культура: модели и реальность. М., 1990.- 231 с.

Романов Ю.А.**Прошлое и современное состояние политических партий России***Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
(Россия, Улан-Удэ)**doi: 10.18411/sr-10-10-2018-05**idsp: 000001:sr-10-10-2018-05***Аннотация**

В статье рассматривается проблема функционирования политических партий России в их историческом и современном контексте. Также помимо выше изложенных проблем, приводятся примеры изменения состояния и ландшафта деятельности политических партий и процессов, оказывающих влияние на формирование одного из ключевых институтов политической системы современной России, каковой предстает в этой статье политическая партия.

Ключевые слова: партийная система, политические партии, процессы реформирования российского общества, политическая элита, демократизация, однопартийность, многопартийность.

Abstract

In the article the problem of functioning of political parties of Russia in their historical and modern context is considered. In addition to the above problems, examples are given of the change in the state and landscape of the activities of political parties and processes that influence the formation of one of the key institutions of the political system of modern Russia, which the political party appears in this article.

Keywords: party system, political parties, the processes of reforming Russian society, the political elite, democratization, one-party system, multi-party system.

Партийная система современной России начала формироваться в условиях дезинтеграции СССР, что, по сути, соотносилось с распадом единого союзного государства на пятнадцать новых независимых государств. Правящая элита новой страны провозгласила независимость и закрепила в конституции демократические основы новой государственности, что укрепило факт политической конкуренции.

Характер партийной системы определяется структурой политической системы, состоянием ее основных действующих лиц, используемой избранными формулами. Роль партий в политической системе часто позволяет нам напрямую определять характер политического режима.

Из истории, известно – в России политические партии появились намного позже, чем в Западной Европе (начало XX века). Недостаток данного процесса объясняется различным уровнем зрелости социальных отношений. Российская реальность имела свои особенности и условия, связанные со спецификой экономической системы, политической структурой российского общества, многонациональностью населения.

Политические партии возникают в России, когда общество осознает необходимость изменения государственной системы, и это осознание приводит к форме политической организации ради такого изменения. Следует иметь в виду, что интересы того или иного класса или структуры часто реализуются и выражаются не представителями этого класса или слоя, а интеллектуалами. В русской интеллигенции можно выделить две группы: одна разделена и частично сформирована правительственным курсом, а другая изолирована от правящей бюрократии и выступает с критикой курса правительства. Позже, в процессе контр движения интеллигенции и

класса, политическая доктрина которой она выразила в силу своих теоретических знаний, были сформированы политические партии. Интеллигенция создавала партии для своих идеологических моделей трансформации всей системы общественных отношений. Идеальная схема имела самое непосредственное и прямое влияние на программу партии, ее организационную структуру, стратегию и тактику. Другим был в России и порядок появления партий по их социальной, и идеологической, и политической стратификации.

Особенностью формирования политических партий в России можно назвать длительный латентный период их созревания. Они прошли долгий путь незаконной идеологической, теоретической и организационной работы, взаимодействия, борьбы, поиска союзников и социальной поддержки.

Отличительной чертой российских партий была их оппозиция правящему режиму. За исключением нескольких проправительственных партий, сформированных с большой задержкой, основная часть партий России в начале 20-го века активно выступала против самодержавия.

Поэтому в России не было глубоких демократических традиций. Существующая система правовых институтов способствовала сохранению монархического, авторитарного режима, углубила политический кризис в стране. Провозглашение гражданских и политических прав и личных свобод не продолжалось в реальной политике властей, несмотря на пропаганду либеральных и социалистических партий. Отметим, что первые партии в России появились только на рубеже 80-90-х годов XIX века, то есть на 50 лет позже, чем на Западе. В начале XX века в России насчитывалось более 280 партий, из которых около 60 человек можно условно отнести к общероссийским, а остальные - к региональным или национальным.

Период формирования многопартийной системы в современной России (конец 80-х – начало 90-х годов XX века) во многом похож на период формирования партий в Европе и России на рубеже XIX и XX веков. Это в первую очередь определялось кризисным состоянием системы, ослаблением государственного диктата, процессами демократизации всех аспектов жизни общества и поиском путей развития страны.

В 1991 году распался СССР. Россия стала суверенным государством. Ее политическая элита провозгласила новый курс, подразумевающий демократизацию, либерализацию политики.

Вместо однопартийной системы в стране была провозглашена многопартийность. Однако процессы по конструированию партийной системы, хотя и были демократическими. Что, по сути, было направлено на формирование системы - сценария «правые – левые» или «либеральные, т.е. демократические - консервативные, т.е. антидемократические».

Динамика партийной системы отражает социально-экономические и политические процессы, происходившие в современной России. Известно, что влияние радикалов, т.е. крайне левых и крайне правых сил, возрастает с ухудшением экономического положения, снижением уровня жизни, увеличением безработицы. И, наоборот, с подъемом экономики, сокращением числа безработных, ростом жизненного уровня большинства населения влияние левых и правых сил падает. Кроме того, популярности левым и правым добавляла их «патриотическая» позиция после распада СССР, возникновение в российских регионах и по границам России этнических и национальных конфликтов. Левые силы России имели наибольшее влияние в третьей Думе (1995–1999), правые силы наибольших успехов добились на выборах первой (1993) и второй (1995) Думы, когда трудные и непопулярные реформы совпали с экономическим спадом и снижением уровня жизни.

Центристские силы и, в первую очередь, реформаторские партии имели успех в начале реформ, на выборах в первую Думу, когда ожидания избирателей были связаны именно с успешными реформами. Далее их ожидало снижение поддержки избирателями на выборах во вторую Думу ввиду падения уровня жизни, неэффективной работы социальной сферы, явившихся первым результатом реформ. С началом экономического роста в 1999г., оживлением деятельности всех сфер российского общества, ростом реальных доходов населения центристские партии увеличили свое представительство в российском парламенте. Кроме того, они сумели объединиться в единую думскую фракцию и предложить обществу путь не конфронтации, а интеграции.

Исходя из вышеизложенного, мы можем с уверенностью заключить, что партия, возглавляемая харизматическим лидером, набирает обороты. «Единая Россия» полностью держит государственную власть в своих руках, и никто не может влиять на решения, принимаемые этой стороной. По словам Дж. Сартори, система, возглавляемая партией, является гегемоном, в котором при официальной доступности политических партий, которые не влияют на принятие решений, управляла одна сторона - гегемон. Следовательно, можно с полной уверенностью сказать, что система Российской Федерации является системой, возглавляемой гегемонистской партией.

Доминирующая сторона подчеркивает мобилизацию масс. Партия используется для роста национального самосознания, для вовлечения граждан в политические процессы. В развивающихся странах обычно существует расхождение между уставом и реальностью. Часто такая система маскирует правило олигархии или личной власти.

Такая система не может существовать долгое время, т.к. не закрывает все противоречия в обществе. Не разрешая своевременно, перекрывая друг друга, данные противоречия в конечном итоге, приводят общество к глубокому системному кризису.

Механизм выявления недостатков и болезней, их устранения и лечения отсутствует, что постепенно приводит к процессу застоя и распада. Многие вступают в нее не по идеологическим соображениям, а ради карьерных и корыстных расчетов. Они используют свою организацию в своих целях, дискредитируя в глазах людей, но с первыми проблемами эти люди первыми бросают ее.

Ради полноты мы отмечаем, что нынешняя партийная система в России часто очень критична. Так, например, лидер незарегистрированной Республиканской партии В.А. Рыжков в интервью Радио «Свобода» указывал на сознательное создание препятствий российской властью для тех партий, участие в выборах коих является нежелательным

Существуют разные прогнозы дальнейшей трансформации российской партийной системы. Политолог Д. Орлов видит возможность трансформации партийной системы с доминантной партией в модель «3+3».

Таким образом, исходя из данных «прогнозов», речь идет о стабилизации партийной системы. Партии, представляющие 90% российских избирателей, естественно, начали поступать в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Законность результатов голосования подтверждается тем фактом, что в целом он совпадает с данными опросов общественного мнения, экзит-поллов. В период 2011 года в России система господства партии «Единая Россия» сформировалась в присутствии других крупных системных партий в парламенте. Спрос на количество партий, барьер 7%, пропорциональная система на выборах в Государственную Думу укрепили партийную конфигурацию.

Таким образом, партийная система России развивалась в условиях крайнего плюрализма, с 2003 года она превратилась в систему господства «партии власти». Так в

России количество партий, измеренное до многих десятков, постепенно сократилось до семи.

Была сформирована политическая система с доминирующей партией в России в целом. Он стабилен для трех членов Парламента (2003-2007, 2007-2011 и 2011 года). Начало было сделано во время работы Государственной Думы четвертого созыва, в которую вошли Единая Россия, Коммунистическая партия Российской Федерации, блок «Родина» и ЛДПР. Эта ситуация перешла в Государственную Думу пятого созыва, сформированную из четырех политических партий: «Единой России», Коммунистической партии, Либерально-демократической партии России и «Справедливой России». Аналогичная конфигурация была перенесена на Государственную Думу шестого созыва, в которую вошли «Единая Россия», «Коммунистическая партия», «Либерально-демократическая партия» и «Справедливая Россия».

Российская партийная система в последние годы полностью выстроена исполнительной властью и поэтому гармонично интегрирована в общий механизм государственного управления.

В 2012 году было официально зарегистрировано 7 зарегистрированных партий в России. В соответствии с традицией, сложившейся в мировой политической науке, согласно идеологической и политической ориентации, все партии и движения России можно разделить на три большие части: правые, центристские и левые.

Однако при этом в России многопартийная система является относительно новым явлением, но это не мешает появлению всех новых партий и укреплению предыдущих политических объединений. И если от пятнадцати до семнадцати лет назад основная часть населения не особенно понимала, кто, где и почему они выбрали, современное общество уже делает свой выбор более сознательным, заставляя политические партии более внимательно выполнять свои прямые обязанности - представлять и защищать интересы граждан.

Так что на предпоследних парламентских выборах 4 декабря 2011 года приняли участие только 7 политических партий. Это было связано с тем, что для регистрации организации в качестве политической партии ей необходимо было представить в Министерство юстиции список не менее 40 000 членов и иметь не менее 45 офисов по 500 или более человек, 4 апреля 2012 года вступил в силу Федеральный закон № 28-ФЗ от 2 апреля 2012 года «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях», что значительно упрощает порядок создания и регистрации политических партий, организаций - теперь партии достаточно, чтобы 500 зарегистрированных участников подали заявку на регистрацию в Министерство юстиции России.

Кроме того, новое законодательство значительно облегчает процедуру регистрации в России сторон, упрощает обязательную отчетность и предусматривает другие инновации, которые значительно облегчают деятельность политических партий.

Так на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 18 сентября 2016 года, приняло участие 14 партий, из них 5% барьер, необходимый для прохождения, преодолели только 4 партии – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия».

На сегодня (2018 год) в России зарегистрировано 73 политических партии и действуют 86 организационных комитетов.

Дальнейшее более подробное рассмотрение процессов и детальное изучение партийной системы в России способно оказать влияние на ее трансформационное изменение, что в свою очередь поспособствует выработке наиболее оптимальных сценариев для последующих трансформаций партийной системы. Это в свою очередь окажет влияние и позволит оптимизировать работу всего спектра политических партий

для попыток решения актуальных задач, стоящих перед российским государством, что наилучшим образом отвечает вызовам современного изменяющегося времени.

1. Владимир Рыжков: Республиканская партия существует и может участвовать в выборах. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/Transcript/263930.html>
2. Три плюс три: политическая модель – 2011. Аналитический доклад URL: <http://www.regnum.ru/news/1363460.html>

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИКА

Bessarabova I.S., Liu Tse

The role of vocal art in Patriotic education of students in China

*Volgograd state socio-pedagogical University
(Russia, Volgograd)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-06

idsp: 000001:sr-10-10-2018-06

Abstract

China is the oldest civilization. Its experience in educating the young generation in this regard requires special reflection today. The purpose of this article is to analyze the features of patriotic education of young people by means of vocal art in modern China.

Key words: patriotic education, vocal art, solidarity and unity of the Chinese nation, education of active civil position of students, moral and aesthetic development in the lessons of vocals, spiritual heritage of the country.

Patriotism is one of the main values of any nation and state, but in China patriotism acquired a special form of expression after the formation of People's Republic of China (PRC) in 1949, and became the basis for the development of "socialism with Chinese specificity". The strengthening of the national spirit is an essential condition for the preservation of the solidarity and unity of the Chinese nation, as it accelerates the realization of the "Chinese dream", which is to be realized by 2049. This is what XI Jinping said in 2012 as a new leader in his first public speech, and for the first time he set the Chinese people a long-term development goal. At the same time, XI Jinping called for the education of patriotism among young people to achieve the great revival of the Chinese nation. Since 1994, the Central Committee of the Communist party of China (CPC Central Committee) began to pay close attention to patriotic education in the country, and today the patriotic education of Chinese youth has become a matter of national importance.

In October 2017, a new law on Patriotic education came into force in China, and now students of junior and middle classes are obliged not only to learn the text and sing the national hymn, but also to learn in detail its history and rules of performance. As reported in the Chinese edition of China Daily, such measures will help to maintain a sense of love for the country in the modern world and increase awareness of Chinese youth about patriotism [8].

Patriotic education in China is carried out at all levels of education – in kindergarten, secondary and higher school. The important role of patriotic education of citizens is fixed by the legislation. Thus, in the Constitution of the PRC, article 24 states that the state defends such civic virtues as love for the Motherland, people, labor, science, socialism; it educates the people in the spirit of patriotism, collectivism, internationalism and communism, as well as dialectical and historical materialism to fight against bourgeois, feudal and other corrupting ideology [1].

In the PRC Law on education of 1995 in article 6 it is emphasized that the state should impart to the pupils such qualities as patriotism, collectivism, loyalty to the cause of socialism; clarify the meaning of concepts about the ideas of the legal system of the state, about the national defense of the country, on the principles of the unity of the nation [3].

In the PRC Law on higher education of 1999 in article 53 it is pointed that the students of higher educational institutions must comply with laws and regulations, the student code of conduct, respect teachers, study hard, strengthen their health, support the ideas of patriotism, study Marxism-Leninism, the ideas of Mao Zedong and theory of Deng Xiaoping, be moral and strive to possess a high level of scientific and cultural knowledge and specialized skills [2].

Patriotic education is one of the most important ideas of Chinese pedagogy and involves the education of the Chinese spirit, respect and observance of Chinese traditions. Chinese people from early childhood are brought up as patriots not only of their country, but also of their hometown, or other place where they were born. Every Chinese person is obliged to know information about the size of the territory of his country and his native province, the number of people living there; know the basic principles of the Constitution, the history of the CPC, the new laws adopted by the government. In the materials of the modern Chinese press it is noted that today in China the main slogan is not the construction of a Communist society, but the idea of "the great revival of the Chinese nation", which should be deeply rooted in the minds of the younger generation. Socialism is no longer perceived as a goal, but as a means of ensuring the greatness of the nation, and patriotism is called "the best tradition and the highest moral quality of the Chinese nation" [5].

The well-organized work of the teacher in the vocal class carries great potential in the process of education of active civil position of students, as vocal art has a strong emotional, aesthetic and moral influence on a person. Vocal art is inseparable from the spiritual and moral development of a person, as it affects emotionally the spiritual world of a person, evokes inner feelings and contributes to the education of moral and patriotic qualities through understanding the content of a musical work. The main direction of the formation of patriotism among Chinese students in the process of vocal training is acquaintance with the samples of national musical art. Chinese teachers believe that it is impossible to educate patriots of the country without the use of the rich potential of the ancient folk music of China, since Chinese folk music has a pronounced national character, it is part of the Treasury of Chinese culture.

Chinese teachers note the difficulty of preserving the national musical art in modern conditions, as young people in China, as well as in other countries, are fond of modern dance rhythms and songs. In the era of globalization in China many genres of Western European and American music - rock, hip-hop, rap - began to spread. Despite this, according to Zhang Jun, it is in China, as in no other country in the world, where musical national art is very well preserved. During national holidays, folk music is played and old folk songs are sung. The Chinese have beautiful voices and good hearing [10].

Since vocal art is a mass form of creativity, teaching children singing is the best way to introduce them to their native culture. As Qin Qin stressed in his study, the lessons of vocal teacher must solve the following problems through the competent selection of repertoire: to develop aesthetic feelings of students; to motivate them to participate in the creative life of their native city or village; to cultivate a sense of love and respect for the small homeland and the country, which will eventually contribute to the formation of Patriotic feelings and qualities of students. According to the scientist, the best environment for patriotic education of children is the atmosphere created by the vocal team. This environment includes people united by a common favorite occupation, helps to create an atmosphere of friendship and mutual support, causes the desire to achieve their goals jointly, which ultimately helps every child to socialize in the team [6].

Another researcher Liu Jin also believes that the effectiveness of solving educational problems in vocal lessons is largely determined by the correct selection of repertoire. In this case, the teacher must take into account the degree of complexity of the material, focus on the abilities of their students and the level of preparedness. Patriotic education can not be separated from the moral and aesthetic development in the lessons of vocals, as music forms emotional responsiveness, helps to develop artistic taste, teaches to appreciate the beauty, to understand and respect the spiritual wealth of the native country, expands the musical horizons of students through acquaintance with the works of outstanding artists who have made an invaluable contribution to the development of musical education in China [4].

Students' compulsory knowledge of the history of vocal performance formation in China is emphasized in the study of Zhao Feilong, as young citizens should have an idea of famous personalities and their contribution to the Treasury of national and world culture. True patriots,

according to the scientist, should know, respect, love and be proud of the spiritual heritage of their country. Zhao Feilong emphasizes that the singing art of China has a rich centuries-old history, but only at the beginning of the XX-th century it ceases to be exotic for Europeans. The specificity of the Chinese vocal school is that the art of singing, for many historical reasons, has long been in a closed cultural space, and only in the last century made a breakthrough in the center of the world's artistic achievements [11].

Jan Bo points to the important educational role of concert activity in his research. Since the concert is the result of the work done, it shows the achievements of the vocal group, forms the responsibility of each participant to the team, teacher, audience. According to the scientist, the collective performance of songs of appropriate content during national holidays or other cultural events is especially valuable in the process of patriotic education. In the process of performance the participants are united by a common idea, they strive to convey to the listener the feelings, the beauty of the melody and the importance of the words of the song. Understanding that they act as a single whole, and that joint efforts give the song strength and expressiveness, has a powerful emotional and psychological impact on the members of the choir. Heartfelt and sensual performance of songs about the Motherland, the words of which are clear and close to everyone, gives them a sense of faith in a bright future, pride in the exploits of their ancestors [9].

A significant role in the education of patriots of the country by means of vocal art, according to Shen Fanfan, is played by the head of the choir, who is not only obliged to combine professionally different methodological techniques in teaching children vocal, but also to captivate every child with music so that it evokes emotions and encourages reflection. This is possible only if children have a need to communicate with vocal music. To do this, it is necessary to create and maintain a special lively and joyful atmosphere during the classes, so that every child feels joy from his own achievements and feels his significant role in the overall success of the team, which performs a very important mission in the common cause of unity of the nation by the power of art. Then, as Shen Fanfan emphasizes, the emotional and sensual perception of the songs performed by children will contribute to the formation of life values and in the future will be embodied in actions. The teacher must remember that children feel keenly any mood of their teacher, so the importance of professional functions of the choir Director is difficult to overestimate, as children trust their teacher sincerely and consider him a role model. Educational work should be a single musical and pedagogical process, in which the most acceptable style of communication between teachers and students should be a combination of rigor and goodwill [7].

Summarizing the above mentioned, it should be noted that the pedagogical potential of vocal education in the patriotic education of students is recognized by all Chinese scientists, whose work results served as the material for this article. We highlight the main points that are emphasized by the researchers in educational work:

- using the rich potential of ancient Chinese folk music to instill love for national musical traditions and the spiritual heritage of the Chinese people;
- careful selection of the song repertoire of patriotic orientation, taking into account the degree of complexity of the verbal and musical material for specific performers, allowing to solve educational problems, combining patriotic education with moral and aesthetic development;
- using the developing and educating potential of the vocal team, creating an atmosphere of creative activity in the classroom, passion for the common occupation, mutual assistance and responsibility for the common success;
- expanding the musical horizons of students through acquaintance with the best examples of folk and modern music, as well as the history of the formation of vocal art in China, educational activities of outstanding musicians and

performers who have contributed to the development of music education in the country;

- organization of the concert performances of students to make everyone feel responsible for the common occupation, as well as experience the joy of personal achievements;
- continuous improvement of the level of professional training of vocal teachers and heads of choral groups.

1. Constitution of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Constitution/2007-11/15/content_1372963.htm (дата обращения: 24.09.2018).
2. Higher Education Law of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china.org.cn/english/education/184667.htm> (дата обращения: 24.09.2018).
3. Law of China on education [Electronic resource]. URL: <https://asia-business.ru/law/law3/education/> (accessed: 20.09.2018).
4. Liu Jin. Opera culture of modern China: the problem of training performers: Dis. ... cand. of ped. sciences: 13.00.02: St. Petersburg, 2010-173 p.
5. National idea of China [Electronic resource]. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/812/> (accessed: 22.09.2018).
6. Qin Qin. Liu Shikun, Zhou Guangen and Zsuzsa: three faces of contemporary art music of China: Dis. ... cand. of art history: 17.00.02: St. Petersburg, 2013-165 p.
7. Shen Fanfan. Interaction of teacher and student in the musical and pedagogical process: in the context of the development of works of composers of the People's Republic of China: Dis. ... cand. of ped. sciences: 13.00.02: M., 2011-163 p.
8. The new law on Patriotic education entered into force in China [Electronic resource]. URL: <https://news.rambler.ru/other/38110719-novyy-zakon-o-patrioticheskom-vospitanii-vstupil-v-silu-v-knr/> (accessed: 22.09.2018).
9. Yang Bo. Dynamics of development of professional solo singing in China: education, pedagogical and performing principles: Dis. ... cand. of art history: 17.00.02: Nizhny Novgorod, 2016-186 p.
10. Zhang Jun. Chinese folk music in professional training of students of musical departments: Dis. ... cand. of ped. sciences: 13.00.02: M., 2008.-140 p.
11. Zhao Feilong. Formation of concert vocal performance in China in the 20-30s of the XX century / Zhao Feilong //Diploma. 2017. № 12 (86).- P. 196-198.

Маеркина Е.В.

Влияние мотивации достижения на формирование навыков саморегуляции в познавательной активности старшеклассников

*Оренбургский Государственный Университет
(Россия, Оренбург)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-07

idsp: 000001:sr-10-10-2018-07

Аннотация

В статье рассматривается взаимосвязь между мотивацией достижения успеха и способностью старшеклассников к самоорганизации своей деятельности.

Старшеклассники, ориентированных на успех, выделяют на более высоком уровне значимые условия на достижение целей как в текущей ситуации, так и в перспективе, при смене способны гибко перестраивать свои планы, вносить коррективы в регуляцию и наиболее успешно и активно решать поставленную учебную задачу.

Ключевые слова: познавательная активность, мотивация достижения, навыки саморегуляции.

Одной из важных задач модернизации современного образования в школе становится развитие ученика как субъекта учения, активно, осознающего важность обучения и самообучения для своего успеха в жизни, а также овладевающего

общественным знанием. Являясь субъектом учения, старшеклассник способен самостоятельно и избирательно решать учебные задачи, управляя свою активностью с целью достижения позитивных результатов в учебной деятельности.

Потребностью сегодняшнего дня является переход с усвоения готовых знаний на уроке к самостоятельной познавательной деятельности ученика. Познавательная активность старшеклассников напрямую зависит от побуждающих, инициирующих эту деятельность факторов. При этом на разных этапах учения происходит изменение соотношения взаимодействующих потребностей и мотивов. Мотив становится личностным образованием, а не «преходящим, случайным внешним стимулом». Проблема возникновения и формирования интереса к учению изучалась многими исследователями (работы И.А. Зимней, С.Л. Рубинштейна, Л.И. Божович, Б.Г. Ананьева, А.К. Марковой, и других). Так В. И. Миросанова рассматривала соотношение самоорганизации и мотивации как важное условие развития личности. Данной проблеме уделяли большое внимание и зарубежные ученые (Дж. Аткинсон, Ж. Годфруа, Г. Холл, Хекхаузен Х, К. Мадсен и многие другие).

Одним из существенных мотивационных факторов эффективности учебной деятельности старшеклассников, является мотив достижения, что стимулирует поиск таких ситуаций, в которых возможно испытывать удовлетворение от достижения успеха. Потребность в избегании неудачи является обратной стороной потребности в достижении. Как правило, для учащихся с выраженным стремлением избегания неудачи характерна повышенная тревожность, неконструктивное отношение к учению, низкая потребность в улучшении достигнутых результатов.

Предполагаем, что учащиеся с достаточно высокой потребностью в достижении, стремясь достичь цели, вкладывают больше усилий в учебную деятельность, соответственно, уровень развития навыков саморегуляции и самоорганизации выше у старшеклассников с ориентацией на мотив достижения в учебной деятельности.

Задачей исследования является выявление взаимосвязи между мотивацией достижения успеха и избегания неудачи и способностью старшеклассников к самоорганизации своей деятельности.

Для выявления уровня сформированности звеньев саморегуляции в нашем исследовании использован опросник «Стиль саморегуляции поведения — 98» (В. И. Моросановой).

С целью исследования мотивации достижения старшеклассников был проведен следующий диагностический комплекс методик:

- тест-опросник для измерения потребности в достижениях Ю. М. Орлова (в модификации Т.Ф. Ивановой)
- методики «Мотивация к успеху», «Мотивация к избеганию неудач» разработанные Т. Элерсом.

На основании полученных данных были проведены корреляционный анализ и анализ значимости различий средних значений с помощью критерия Стьюдента.

Исследование проводилось на базе Муниципального общеобразовательного автономного учреждения «Лицей №7» г. Оренбурга. В нем приняли участие 119 старшеклассников, учащихся 9-11 классов.

Полученные результаты зафиксированы в таблице и позволяют сделать определенные выводы.

параметры	группа	среднее значение в группе	уровень соответствия выбранному параметру:	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка	Уровень статистической значимости (t-критерий т Стьюдента)
Планирование	Достижение успеха	7,3	Высокий уровень	1,4	0,21	0,00
	Избегание неудачи	4,8	Средний уровень	1,25	0,24	0,00
Моделирование	Достижение успеха	5,7	Средний уровень	1,25	0,23	0,00
	Избегание неудачи	3,8	Низкий уровень	0,95	0,15	0,00
Оценка результатов	Достижение успеха	5,7	Средний уровень	1,3	0,2	0,00
	Избегание неудачи	5,5	Средний уровень	1,5	0,22	0,00
Гибкость	Достижение успеха	8,1	Высокий уровень	2,2	0,41	0,01
	Избегание неудачи	3,8	Низкий уровень	1,2	0,38	0,00
Общий уровень саморегуляции	Достижение успеха	32,8	Вывод: средний уровень; пороговое значение, приближенное к низкому уровню	4,8	0,55	0,01
	Избегание неудачи	24,2	Вывод: средний уровень; пороговое значение, приближенное к высокому уровню	4,7	0,45	0,01

Так, полученные результаты демонстрируют наибольшую взаимосвязь «мотивации успеха/избегания неудачи» к такому параметру саморегуляции как «гибкость», показывая соответственно высокий и низкий уровень.

Данная шкала «диагностирует уровень сформированности регуляторной гибкости, то есть способности перестраивать, вносить коррективы в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий. Испытуемые с высокими показателями по шкале гибкости демонстрируют пластичность всех регуляторных процессов, при возникновении непредвиденных обстоятельств легко перестраивают планы и программы исполнительских действий и поведения, способны быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий. Участники с низкими показателями по шкале гибкости в динамичной, быстро меняющейся обстановке чувствуют себя неуверенно, с трудом привыкают к переменам в жизни, к смене обстановки и образа жизни».

Примечательно, что обе группы с выделенной ориентацией на успех и избегание неудачи показали одинаково средний уровень сформированности параметра «оценка результатов», данные свидетельствуют о том, что в целом, старшеклассники адекватно оценивают собственную деятельность, сам факт рассогласования полученных результатов с целью деятельности, так и приведшие к нему причины.

Таким образом, мотивация достижения успеха напрямую взаимосвязана с саморегуляцией в познавательной активности старшеклассников. Старшеклассники, ориентированных на успех, способны выделять на более высоком уровне значимые условия на достижение целей как в текущей ситуации, так и в перспективе, при смене условий учащиеся способны гибко перестраивать свои планы, вносить коррективы в регуляцию и наиболее успешно и активно решать поставленную учебную задачу.

1. Арцев, М. Н. Качество образовательной программы в школе как объект оценки и управления [Электронный ресурс] / М. Н. Арцев, В. П. Панасюк // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. - 2003. - №4 - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-obrazovatelnoy-programmy-v-shkole-kak-obekt-otsenki-i-upravleniya> (дата обращения: 27.09.2018).
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология. М.: Логос, 2004. 384 с.
3. Кирьякова, А. В. Аксиология образования. Прикладные исследования в педагогике [Текст] : [монография] / А. В. Кирьякова, Т. А. Ольховая, И. Д. Белоновская. - М. : Дом педагогики, 2010. - 293 с. - Прил.: с. 284-292. - ISBN 978-5-89149-017-8. Содержание
4. Лысиченкова С. А. Влияние особенностей современных школьников на их познавательную мотивацию // Молодой ученый. — 2012. — №4. — С. 428-431
5. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте -Москва: Просвещение, 1996. — 96с
6. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. Т.т. 1-2, Москва, 1986

Нарыкова О.Н.

Основные тенденции и показатели эффективности современного профессионального иноязычного образования в рамках межкультурного взаимодействия

*Курский государственный университет
(Россия, Курск)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-08

idsp: 000001:sr-10-10-2018-08

Аннотация

В данной научной статье рассматриваются приоритеты развития высокого уровня коммуникативной культуры современных специалистов в соответствии с требованиями международного рынка труда. Приводятся аргументы в пользу тщательного отбора содержания профессионального образования, способствующего развитию у обучающихся культуроведческих знаний и навыков ведения диалога культур. Уделяется особое внимание особенностям приобщения современного кадрового потенциала к

этнокультурным ценностям и формированию их готовности к активному участию в решении межкультурных конфликтов.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, международное сообщество, коммуникативная культура, международный рынок труда, этническая осведомлённость, поликультурная образовательная среда, этническая идентичность, коммуникативные навыки, этнокультурные ценности.

Annotation

In this very article the priorities of modern experts with the high level of communicative culture were regarded within the demands of the international labor-market. The arguments were represented in favor of the professional education content with its orientation to cultural interaction and cultural skills development. Special attention is given to the study of peculiarities which regular personnel come across while attaching to ethno-cultural values and developing their active willingness to take part in solving multicultural conflicts.

Key words: multicultural interaction, international community, communicative culture, international labour-market, ethnic awareness, multicultural educational surroundings, ethnic identity, communicative skills, ethno-cultural values.

Современная обстановка на рынке труда требует подготовки профессиональных кадров международного уровня, которые должны не только обладать хорошими теоретическими знаниями и навыками в своей предметной области, но и быть способными применять их на практике, что подразумевает развитие умения общаться и сотрудничать с представителями других культур. Значительное расширение межкультурного взаимодействия, а также возникновение и рост глобальных проблем, которые могут быть решены лишь в результате сотрудничества в рамках международного сообщества, требуют формирования у молодого поколения широкомасштабного мышления и высокой коммуникативной культуры. Как следствие в образовательном процессе значительно повышается роль учебных дисциплин, в том числе и дисциплины «Иностранный язык», ориентированных на развитие коммуникабельности обучающихся, развитие их культуроведческих знаний на основе анализа примеров иноязычной коммуникации и изучения практических потребностей представителей различных культур, что непременно способствует скорейшему преодолению всевозможных трудностей в повседневном общении. Именно по этой причине изучение иностранных языков является необходимым требованием, предъявляемым в том числе и к студентам лингвистических специальностей, для того чтобы они были востребованы и адаптированы к работе на международном рынке труда.

В рамках целенаправленного и педагогически организованного процесса формирования культуроведческих навыков иноязычного общения у обучающихся происходит осмысление мира не только посредством освоения самих языковых знаний, но и благодаря самостоятельному участию в диалоге культур (родной и иноязычной), в условиях равноправного взаимодействия лингвокультурных реалий разных этносов. Изучение иностранных языков тем самым должно рассматриваться как средство познания картины мира, приобщения к ценностям, созданным другими народами, поскольку язык - это ключ для открытия уникальности и своеобразия собственной народной самобытности и исторических достижений представителей других культур. Неотъемлемой составляющей иноязычного образования должно стать формирование общекультурной компетенции, способствующей развитию способности и готовности к осуществлению диалога культур посредством освоения необходимого комплекса лингвистических и социокультурных знаний, а также развитие умения проводить

сопоставительный анализ родной и иноязычной культуры, что является особенно важным в поликультурной образовательной среде ВУЗа.

В результате культуроведческого обогащения повышается интерес к учебному предмету, студенты начинают изъяслять самостоятельную активность к участию в разного рода творческих конкурсах и проектах, что способствует повышению уровня их общей культуры и информированности. Этническое содержание по праву должно быть интегрировано во все преподаваемые предметы на протяжении всех лет обучения, с соблюдением преемственности между учебными учреждениями. Для создания атмосферы, пронизанной духом плюрализма, необходимо, чтобы обучающиеся имели доступ к материалам, которые бы содержали объективную информацию по истории и культуре этнических групп. Поликультурное образование поясняет, что существуют другие стили жизни, которые столь же значимые и имеющие такое же право на существование, как и их собственный. И всё-таки этническая идентичность не статичное, а динамичное образование, на трансформацию которого влияют не только бесчисленные обстоятельства индивидуальной человеческой жизни, но и факторы, обусловленные изменениями в жизни общества. На осознание людьми своей этнической принадлежности значительное влияние оказывает тот факт, живут ли они в полиэтнической или моноэтнической среде. Ситуация межэтнического общения даёт индивиду больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других этнических групп, способствует развитию межэтнического понимания и формированию коммуникативных навыков. Напротив, отсутствие опыта межэтнического общения обуславливает, с одной стороны, меньшую предрасположенность к подобным контактам, а с другой стороны, меньший интерес к собственной этничности.

Учёными замечено, что с возрастом и развитием этнической идентичности у членов этнических меньшинств обычно происходит сдвиг к внутригрупповой ориентации поведения. В реальности люди имеют больше вариантов выбора, чем полная идентификация с одной из этнических общностей. Индивид может одновременно идентифицировать себя и с двумя релевантными группами. Такую идентичность могут иметь не только выходцы из смешанных браков, но и люди, живущие в полиэтническом обществе. У них «национальность для себя» может обозначаться не одним словом, а описательно: «ближе к русской национальности», «скорее между русскими и украинцами». Формирование «третьей» культуры личности осуществляется в учебном процессе на основе ее базовой культуры через «межкультурное обучение», имеющее целью создать у обучающихся новое культурное сознание – способность при контактах с другой культурой понять иной образ жизни, иные ценности, по-иному подойти к своим ценностям и отказаться от существующих стереотипов и предрассудков.

Одним из основных показателей успешности межкультурного образования определена открытость личности иным этнокультурным ценностям, что означает в первую очередь уважительное отношение к людям иного образа жизни и поведения, видение в культурном многообразии источника общественного блага, готовность участвовать в решении межкультурных конфликтов. Кроме того, американские ученые Дж. Бэнкс и К. Кортес выделяют четыре группы результатов, которые обеспечивает педагогика диалога культур: равные возможности обучения; осведомленность о многообразии культур; поликультурность программ обучения; вхождение в социум на равных, независимо от этнической принадлежности. Методики выявления результатов и эффективности межкультурного воспитания и обучения формулируют и отечественные ученые, которыми была предложена многоэтапная диагностика выявления эффективности данного процесса: первый этап – опросы, анкетирование, рейтинговые оценки, наблюдения и пр.; второй – тестирование, проигрывание

проблемных ситуаций и др.; третий – самооценка, анализ деятельности; четвертый – выделение индикаторов-показателей деятельности личности в многонациональном социуме.

1. Крайнова Е. Е. Влияние иноязычной культуры в образовательном процессе // Образование и воспитание. — 2015. — №1. — С. 8-11. — URL <https://moluch.ru/th/4/archive/4/40/> (дата обращения: 30.09.2018).
2. Магомедов, Х. М. Педагогическое обеспечение формирования этнического самосознания студентов в условиях поликультурной образовательной среды вуза: Монография. / Х.М. Магомедов. — Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во. — 2011. — 131 с.
3. Мильруд Р.П., Максимова И.Р. Культура как содержание обучения, объект тестирования и характеристика обучающей деятельности // Язык и культура. 2012. № 1 (17). С. 109–119.
4. Хакимов Э.Р. Сущность поликультурного образования // Вестник ИжГТУ, 2009. – № 3. – С. 189-191.

Цыганков Э.С., Шулик Г.И.

Специальная физическая подготовка мотоциклистов спецслужб

*Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-09

idsp: 000001:sr-10-10-2018-09

Аннотация

В работе предложена новая модель физической подготовки мотоциклистов спецслужб, позволяющая сократить срок «вкатывания» перед летним сезоном и повысить безопасность в сложных и критических ситуациях профессиональной деятельности. Особое значение приобретают элементы самостраховки при угрозе падения на высокой скорости движения, а также в ситуациях, связанных с экстремальными маневрами при дефиците времени, дистанции, свободе передвижений.

В системе водитель-мотоцикл-дорога-среда движения каждый из компонентов может влиять негативно или позитивно на конечный результат управляющей деятельности.

Ключевые слова: посадка мотоциклиста, баланс устойчивости, готовность к экстренным действиям, тренажерная подготовка.

Abstract

The new model for the physical training of motorcyclists' special units is offered in the article. This model allows to make shorter an adaptation period before a summer season and to make safety higher in complex and critical situations of professional activity. Elements of selfsafety are the most important if the threat of crash combines with a high speed raiding as well as in situations during extreme manoeuvres - in short of time, distance and tight driving.

Keywords: motorcyclist position on a motorbike, balance of stability, readiness for extreme activity, training on equipment.

Актуальность: опыт, накопленный в мотоциклетном спорте, позволяет утверждать, что профессиональное мастерство мотогонщиков во многом зависит от уровня физической подготовки, развития двигательных качеств, самосовершенствования в форме спортивных тренировок и соревновательной деятельности.

Анализ физической подготовки мотоциклистов спецслужб МВД и ФСБ России выявил дефицит умений и навыков, позволяющих использовать приёмы активной безопасности для преодоления критических ситуаций при выполнении служебных задач.

Для решения проблем безопасности требуется комплекс педагогических технологий, в том числе и новые разработки по прикладной физической подготовке.

Результаты исследования

На рисунке 1 представлена структура специальной тренажерной подготовки, выполняемой на неподвижном мотоцикле-тренажере во время начального предсезонного микроцикла. Комплекс упражнений позволяет формировать основы профессиональных компетенций для управления мотоциклом в нестандартных ситуациях и эффективных действий в системе «водитель-мотоцикл».

Рисунок 1 – Структура специальной тренажерной подготовки мотоциклистов спецслужб

Предлагаемый комплекс упражнений применен при подготовке мотоциклистов ДПС к летнему сезону и является элементом педагогической цепочки тренировочных средств и методов, позволяющих осуществить адаптацию организма к интенсивной профессиональной деятельности.

Хотя названный комплекс включает вспомогательные упражнения, он приобретает значимость для специальной физической подготовки, который занимает центральное место в системе тренировки водителей и спортсменов.

На рисунках 2 – 9 представлены элементы комплекса прикладной физической подготовки.

Рисунок – 2 Стойка на коленях. Отработка баланса устойчивости

Рисунок – 3 Сед на баке, ноги на руле. Формирование качества гибкости.

Рисунок – 4 Стойка на сиденье поперёк, руки в стороны.
Формирование чувства равновесия

Рисунок – 5 «Ласточка продольная на одной ноге.
Формирование техники сложного равновесия

Рисунок – 6 Максимальный наклон вперед с поворотом

Рисунок – 7 «Перелет через мотоцикл в группировке с опорой о руль.
Страховка от травматизма при лобовом столкновении корпуса и касание одной рукой стопы.
Формирование качества гибкость.

Рисунок – 8 Полуприсед на одной ноге с опорой о сиденье мотоцикла.

Рисунок – 9 Наклон назад из основной стойки до положения лёжа на спине, руки вверх.

Заключение

Разработка эффективной системы профессиональной подготовки мотоциклистов спецслужб, включает в себя разделы: общей и специальной физической подготовки, прикладной акробатики, скоростного маневрирования, техники и тактики прохождения поворотов и преодоления неровностей, а также разделы теории безопасного вождения.

Предлагаемый комплекс упражнений тренажерной подготовки является вспомогательным средством, позволяющим повысить профессиональную надёжность мотоциклистов спецслужб.

1. Цыганков, Э.С. Предсезонная жесткие подготовка мотоциклистов ДПС / Э.С. Цыганков, Г.И. Шулик // Теория и устройству практика прикладных и экстремальных соревнованиях видов тема спорта. – 2011. прохождение - №2 (21). – С. 42-45.
2. Шулик, Г. И. Экспресс оценка технического и тактического мастерства мотоспортсменов / Г. И. Шулик, Э. С. Цыганков // Теория и практика физической культуры. – 2012. - №3. – С. 37-39.
3. Шулик, Г. И. Экстремальные дисциплины мотоциклетного спорта / Г. И. Шулик, Э. С. Цыганков // Теория и практика прикладных и экстремальных видов спорта. – 2012. - №3 (25). – С. 20-22.

РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛОГИЯ

Усольцева В.В., Голенкова Н.А.

Основные проблемы повышения личной и профессиональной компетентности воспитателей с различным стажем работы

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»
(Россия, Омск)

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-10

idsp: 000001:sr-10-10-2018-10

Аннотация

Статья посвящена проблемам, возникающим при организованном и самостоятельном повышении личной и профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования с разным стажем работы. В ней рассматриваются основные элементы компетентности воспитателя, а также генезис противоречий при её повышении. В заключении, по результатам исследования работ различных авторов, рассматриваются практические рекомендации по устранению и оптимизации выявленных недостатков.

Ключевые слова: повышение квалификации, личная компетентность, профессиональная компетентность, тенденции системы дошкольного образования, проблемное обучение.

Современные тенденции модернизации образования, в частности дошкольного, свидетельствуют о том, что на первый план выдвигается не сам педагогический процесс с его многочисленными методическими и технологическими элементами, а роль в нём отдельного педагога. В данных условиях развития образования в первую очередь важна индивидуальная позиция воспитателя, ориентированная на реальное состояние окружающего мира, чтобы передать ребенку правильное его понимание [7]. Достичь необходимых условий может лишь специалист, обладающий определенными профессиональными компетенциями и качествами личности. Следовательно, современной системе дошкольного образования требуются воспитатели «нового типа», умеющие творчески мыслить, способные самостоятельно принимать решения и осознающие свою личную и коллективную ответственность за результаты деятельности [5, 12].

В качестве одной из составляющих нового подхода предполагается активное привлечение детей к проектной и исследовательской деятельности. Как отмечает С. И. Поздеева [11], детская потребность в познании (исследовании) окружающего мира обусловлена их биологическими особенностями и должна всячески поддерживаться родителями и воспитателями. Однако, как подчёркивает автор [11], взрослый, который занимается с ребенком, должен учитывать его возрастные и индивидуальные особенности. С другой стороны также необходимо избегать формализации и чрезмерной простоты «исследования», не несущей для конкретного ребенка практической значимости и приводящей к потере интереса.

В связи с этим специалисты рекомендуют использовать методику «проблемного обучения», которая подразумевает: постановку проблемы, актуализацию знаний, выдвижение гипотез, проверку решения, введение полученной информации в систему знаний ребенка или её практическое применение. При этом важно, чтобы учащийся был инициатором исследовательского процесса. Воспитатель в этом случае является лишь наставником и консультантом, но способным заинтересовать и удивить маленького учёного. Таким образом, нельзя допускать таких методических ошибок как:

— заставлять фиксировать готовую, найденную взрослым информацию;

- искать информацию без участия ребенка и самому выбирать то, что кажется интересным;
- самому все оформлять, объясняя это неумелостью, неаккуратностью ребенка.

Кроме того, исследовательский проект должен иметь осязаемый результат, который может быть использован в другой деятельности (творческой, социальной, игровой). Например, узнав что-то новое об известном или неизвестном ранее животном, воспитанник обязан поделиться полученными знаниями со своими сверстниками путем устного рассказа или изобразив «объект исследования» в виде рисунка.

Ещё одним важным элементом организационной деятельности дошкольного образования является применение информационно-коммуникационных технологий, которые на сегодняшний день уже не являются инновацией, став частью повседневной жизни, а значит и разных форм педагогического процесса. В конечном итоге это должно привести к созданию единого информационного пространства среди соответствующих образовательных учреждений [3].

Однако данному процессу препятствует ряд негативных факторов и противоречий. В первую очередь это отражается в дифференциальном отношении педагогов с различным стажем работы к своим воспитанникам. Как отмечает В. С. Собкин [12], молодые специалисты (44,2 %) со стажем работы менее трёх лет предпочитают взаимодействовать преимущественно с более «покорными детьми». Среди преподавателей с педагогическим стажем более 20 лет – данный показатель снижается до 16,7 %. Следовательно, для начинающих педагогов покладистость является одним из тех доминирующих личностных качеств ребенка, которые определяют позитивное отношение к нему воспитателя. Однако, «покорный» воспитанник, далеко не всегда одарённый и склонный к научной и практической деятельности.

Кроме того, воспитатели со стажем более 15 лет в два раза чаще, чем их молодые коллеги, отмечают и развивают личностные качества ребенка, способствующие совместной деятельности. Также тенденция проявляется и в отношении интеллектуальной активности, любознательности: среди воспитателей со стажем более 24 лет на эти качества указывает 74,6%, а со стажем менее 8 лет – 56,4% [12]. При этом каждый второй молодой воспитатель (57,3%) в своей работе не ориентирован на выделение как отстающих, так и одаренных детей. Треть педагогов (35,2%) указали, что выделяет отстающих, четверть (24,1%) – одаренных [12]. Это также указывает на более низкую эффективность реализации принципов проблемного обучения у молодых специалистов.

Ещё одной проблемой молодых педагогов является недостаток знаний и умений работы с возрастными особенностями воспитанников. Так, например, кризис трёх и семи лет является оптимальным возрастом для закладки научно-познавательных навыков. Однако по статистике об этом знают и способны перенаправлять негативные возрастные проявления в мирное русло не более 20 % молодых воспитателей. Остальным требуется помощь старших коллег [5].

Также не стоит забывать о сложном периоде социализации молодых специалистов. Первое место работы всегда связано с повышенным стрессом, неуверенностью в собственных силах из-за недостатка опыта и боязни не оправдать ожидания общественности (коллег, руководства, воспитанников и их родителей). В свою очередь опытные педагоги сталкиваются с другой проблемой - эмоциональным выгоранием, что проявляется в резкой утрате эмоциональной, когнитивной, физической энергии и как следствие негативно сказывается на профессиональных результатах [1, 8].

Изучая работы отечественных и зарубежных авторов, Е. Ю. Костин [9] делает вывод, что главной причиной эмоционального выгорания, которым страдает порядка 30 % педагогов дошкольного образования, является хроническое психологическое переутомление, которое с возрастом перерастает в защитный механизм. Последствием

эмоционального выгорания могут стать проблемы в семье, нарушение взаимоотношений с родными и, в первую очередь, с детьми. Под воздействием эмоционального выгорания усиливаются тревожность, раздражительность, появляется агрессивность, изменяется стиль общения педагога с детьми. Чаще стиль общения становится авторитарным или либерально-попустительским, а это приводит к нарушению благоприятной психологической обстановки в группе [9].

Таким образом, педагог под действием своего личного эмоционального выгорания не способен объективно оценить индивидуальные особенности ребенка, чтобы направить их на развитие творческих, практических и исследовательских навыков. Кроме того это свидетельствует о недостаточном уровне психолого-педагогической компетентности [2].

Стоит так же отметить, что и опытным воспитателям требуется профессиональная поддержка молодых, энергичных коллег, обладающих большим инновационным потенциалом и способных помочь в освоении новых педагогических технологий.

Как отмечает О. В. Глазырина [4], имеющая большой опыт работы в рамках курсов повышения квалификации, воспитатели демонстрируют неспособность занять позицию партнера в познавательно-исследовательской деятельности. Наиболее ярко данная характеристика отмечается у педагогов с большим стажем работы, у которых выработался определенный стереотип взаимодействия с детьми.

Также автор подчёркивает, что у большинства воспитателей недостаточно сформированы собственные исследовательские навыки. В условиях познавательно-исследовательской деятельности от педагога не требуется знать ответы на все вопросы, но он должен уметь исследовать разные проблемы, находить нужную информацию и научить этому детей. Кроме того у педагогов с большим стажем часто возникают трудности с освоением современных средств коммуникации и передачи и обработки информации, на базе которых зачастую необходимо построить исследовательскую деятельность.

Обобщая выше сказанное, мы видим необходимость преемственности поколений, при которой, на разных этапах в качестве наставника выступают специалисты разного возраста и стажа. На сегодняшний день данная потребность переросла в совершенно новую систему профессиональной адаптации, касающуюся, в том числе повышения квалификации педагогических кадров [6].

При этом цели и задачи самих курсов повышения квалификации должны опираться на следующие принципы [10]:

- ориентация на постоянное обновление информации как неотъемлемой составляющей педагогической профессии;
- реализация способности самостоятельно действовать в различных ситуациях на основе полученного и получаемого опыта;
- готовность к постоянному профессиональному росту, активному включению в инновационную деятельность детского сада, умению применять на практике современные образовательные технологии.

Кроме того при составлении плана и содержания курсов авторы должны опираться на андрагогический подход, который основан на создании условий для специалистов с разными возрастными возможностями, стажем работы и уровнем подготовки [10]. Так для борьбы со страхами, вызванными отсутствием опыта у молодых специалистов, а также неготовности педагогов со стажем к профессиональным изменениям, связанным с современными технологиями, И. П. Шелухина [13] предлагает систему непрерывного образования. Анализируя данный аспект на базе своего места работы, автор [13] выявил, что 71 % коллектива не знакомы с технологиями самостоятельного профессионального роста. Она также предполагает схожие значения показателя и в большинстве других современных детских садах.

Для повышения рассматриваемых организационно-методических навыков, наряду с классическими курсами повышения квалификации, И. П. Шелухиной [13] была

предложена система самообразования сотрудников. Так была создана рабочая группа, в которую вошли: заведующий; заместитель заведующего; старший воспитатель; педагог-психолог; воспитатели (младшего и старшего дошкольного возраста). Ими была разработана система показателей, отражающих научную, методическую и психологическую подготовленность педагогов. На основании этого были составлены индивидуальные планы повышения квалификации и карьерного роста, отражающие слабые и в тоже время перспективные стороны профессионального уровня воспитателя. Помимо этого для поддержания динамики личностного и профессионального роста в периоды между курсами повышения квалификации была реализована система создания портфолио. Оно представляло собой персональную страничку на официальном сайте образовательного учреждения. [4].

Ещё одним важным инновационным элементом, способствующим личному и профессиональному росту педагогического состава учреждений дошкольного образования, по мнению И. В. Ивановой [7], должно стать активное сетевое взаимодействие между собой как самих учреждений, так и организаций, напрямую или косвенно с ними связанных. Это позволит создать единую методическую базу, эффективно распределять имеющиеся ресурсы и использовать их в целях каждого участника сети. В заключении скажем, что предложенная инновационная модель будет способствовать оптимизации проблем возрастного, профессионального и инновационного кадрового разрыва имеющегося в большинстве современных учреждений дополнительного образования.

1. Александрова Н. В. Факторы эмоционального выгорания воспитателей дошкольной образовательной организации // Вестник НовГУ. 2016. №5 (96). С.7-9
2. Богомолова М. В. Условия формирования психолого-педагогической компетентности воспитателя детского сада // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». 2014. №2. С.69
3. Бондаренко А. А. ИКТ в организации работы ДОУ // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». 2016. №5. С.439-440
4. Глазырина О. В. Организация познавательно-исследовательской деятельности в ДОУ: содержательный и организационный аспекты // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». 2016. №5. С.516-517
5. Ефимова Г. З. Молодой учитель: профессиональная социализация и качество жизни // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. №3 (3). С.102-113
6. Зубкова Н. К. Развитие и совершенствование системы повышения квалификации педагогов в России // Вестник ТГПУ. 2013. №9 (137). С.18-25
7. Иванова И. В. Инновационная модель профессионального развития педагога дошкольного образования посредством сетевого взаимодействия // Педагогическое образование в России. 2016. №4. С.129-135
8. Корытова Г. С. Эмоциональное выгорание в профессиональной педагогической деятельности: защитно-совладающий аспект // Вестник ТГПУ. 2013. №5 (133). С.175-181
9. Костин Е. Ю. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности педагогов дошкольного образовательного учреждения // Педагогика и психология образования. 2013. №2. С.40-44
10. Найбауэр А. В. Программы курсов повышения квалификации: особенности реализации методологических подходов // Universum: психология и образование. 2015. №6 (16).
11. Поздеева С. И. К проблеме использования проектной и исследовательской деятельности в детском саду // Вестник ТГПУ. 2017. №8 (185). С.42-45
12. Собкин В. С. К вопросу о профессиональной позиции воспитателя // СДО. 2016. №7 (69). С.46-56
13. Шелухина И. П., Тимошик Н. В. Организация самообразования педагогов МБДОУ ЦРР Д/С №15 в условиях реализации Федерального государственного стандарта дошкольного образования // Интерактивная наука. 2017. №14. С.86-90

РАЗДЕЛ V. ФИЛОЛОГИЯ

Гутин И.Ю.

Сопоставление принципа «один язык — две письменности» в материковом Китае с принципами «две письменности — три языка» в Гонконге и «три письменности — четыре языка» в Макао*Московский государственный институт международных отношений (университет)
(Россия, Москва)**doi: 10.18411/sr-10-10-2018-11**idsp: 000001:sr-10-10-2018-11***Аннотация**

В докладе рассматриваются характерные черты языковой политики КНР, реализуемые как в материковом Китае, так и в специальных автономных регионах Гонконг и Макао. На основе сопоставления принципов «один язык — две письменности» с принципами «две письменности — три языка» и «три письменности — четыре языка» делается вывод о схожих конечных целях этих концепций при существенном различии в их содержании.

Ключевые слова: путунхуа, юэ, кантонский, пиньинь, КНР, Гонконг, Макао

Создание в середине прошлого столетия системы латинской транслитерации стандартного китайского языка путунхуа «пиньинь цзыму» стало прорывом в развитии китайского языкознания. Пиньинь цзыму пришла на смену старым транслитерационным системам, большинство из которых применялись локально и были лишены универсального характера. Часть из них были громоздкими и неудобными в использовании (такова, например, была система гоюй ломатзы, которую даже пытались внедрить в качестве официальной в республиканском Китае), другие же, будучи разработанными иностранными специалистами, не могли претендовать на роль национального стандарта, например, система Уэйда-Джайлза, которая в течение очень долгого времени де-факто была стандартом западной транслитерации китайских имён собственных и зачастую продолжает использоваться в англоязычной литературе. Повсеместное внедрение стандартной романизации «пиньинь цзыму», основным создателем которой стал китайский лингвист Чжоу Югуан, в качестве единого стандарта записи слов китайского языка буквами латинского алфавита сыграло и продолжает играть огромную роль в обеспечении лингвистического единства китайского социума, в котором для огромного числа людей родным языком является не путунхуа, а родные региональные языки (муйй), традиционно именуемые диалектами китайского (фаньянь). Проблема социолингвистического единства китайского общества видится особенно острой в свете того, что по данным статистики, 86% населения КНР говорит на региональных языках и только 53% населения может использовать путунхуа для общения. При этом было бы ошибкой полагать, будто значение пиньинь цзыму сводится исключительно к роли вспомогательной системы в обучении китайскому языку. Несомненно, было бы неправильным оспаривать доминирующую роль идеографической иероглифической письменности во всех сферах образовательной, общественно-политической и культурной жизни КНР, ведь почти абсолютно все издаваемые в Китае книги, газеты, журналы, материалы интернет-СМИ, официальные постановления и прочее написаны китайской иероглификой — уникальной для современного мира системой идеографической письменности, чья история эволюции насчитывает уже более четырёх тысячелетий. Однако сфера применения пиньинь цзыму тоже весьма велика: помимо учебных пособий, пиньинь цзыму дублирует информацию на китайских банкнотах, ей пописаны уличные

указатели, параллельно с иероглифическим текстом её можно увидеть в книжных изданиях для детей, наконец, именно она чаще всего служит основой для создания интернет-адресов в китайском сегменте всемирной сети. Поэтому в КНР уместно говорить о существовании системы «один язык — две письменности», которая подразумевает сосуществование и взаимодополняемость идеографической (иероглифической) и фонографической (алфавитной) систем — китайских иероглифов и алфавита китайского языка путунхуа пиньинь цзыму.

Однако китайский мир вовсе не ограничивается одним лишь материковым Китаем. В состав КНР входят два региона, которые в силу объективных исторических причин в течение очень долгого времени не были затронуты политическими, экономическими и культурными процессами, происходившими на остальной территории Китая. Это специальные административные районы Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао). Гонконг был отторгнут от Китая в результате первой Опиумной войны в 1842 г. и до своего возвращения в 1997 г. находился под властью британской короны. Макао же был арендован у Китая Португалией в XVI в. и был возвращён в 1999 г. Статус обеих регионов даёт им довольно большую долю автономии во внутренних делах, за исключением вопросов обороны. Подобная модель получила название «Одна страна — две системы» и впервые была сформулирована реформатором китайского социализма Дэн Сяопином. Поскольку происходившие в 1950–1960-е гг. в материковом Китае языковые процессы (введение в качестве общенационального стандарта латинизации фонетического алфавита пиньинь цзыму и упрощение иероглифической письменности) обошли эти регионы стороной, к моменту их возвращения в состав КНР языковая ситуация в каждом из них разительно отличалась от того, что наблюдалось в материковом Китае. Здесь можно выделить несколько факторов. Во-первых, оба региона исторически являлись частью территории провинции Гуандун, для большинства населения которой родным является язык юэ (другие названия — кантонский диалект (язык), гуанчжоухуа). Фонологическая система юэ разительно отличается от таковой в путунхуа: различны гласные и согласные звуки, количество тонов и их голосовые контуры. Как и большинство вариаций китайского языка, бытующих южнее р. Янцзы, юэ и путунхуа на слух взаимно непонятны для их носителей. Во-вторых, в силу того, что оба региона находились в иностранном владении, в колониальный период официальными языками в них были языки метрополий — английский в Гонконге и португальский в Макао. Наконец, в-третьих, различия в иероглифической письменности между материковым Китаем и специальными административными районами выражаются не только в приверженности последних традиционной иероглифической письменности в противовес принятой на материке сокращённой, но и в наличии довольно большого количества локальных иероглифов, используемых исключительно в языке юэ. Эти иероглифы лишены какого бы то ни было официального статуса, и отношение к ним неоднозначное даже среди носителей кантонского. Однако это не мешает им находить довольно широкое применение — от вывесок и рекламы до газетных статей. Локальная иероглифика юэ также широко используется в интернете, в особенности на интернет-форумах и в социальных сетях.

Изложенные выше факторы привели к необходимости проведения особой языковой политики в обоих специальных административных регионах. Во-первых, основные законы Гонконга и Макао закрепляют в качестве официальных языков не только китайский, но и бывшие языки метрополий — английский в Гонконге и португальский в Макао, причём в последнем английский также обладает официальным статусом. Во-вторых, несмотря на отсутствие каких-либо законных постановлений, де-факто стандартом в обеих регионах являются традиционные китайские иероглифы в качестве письменной нормы и кантонский диалект в качестве устной. На кантонском ведут свои заседания органы власти и суды, вещает местное телевидение и радио. Не

стала исключением и музыкальная культура: гонконгские эстрадные исполнители, чья слава давно распространилась за территорию Гонконга, исполняют свои песни почти исключительно на кантонском, хотя многие записывают и версии своих главных шлягеров на путунхуа для слушателей из материкового Китая.

Однако возвращение двух территорий под суверенитет Китая диктует необходимость их культурной и языковой интеграции с материком. Несмотря на широкую степень автономии практически во всех внутренних делах Гонконга и Макао, официальный Пекин так или иначе пытается распространить свою языковую политику и на эти территории. Основу же языковой политики КНР, законодательно закреплённой на самом высоком уровне, является распространение общепринятого китайского языка путунхуа в качестве общенационального стандарта. Уже начиная с 1997 г. доминантой языковой политики Гонконга стал принцип «две письменности — три языка», где под двумя письменностями подразумеваются письменный китайский и английский, а под тремя языками — кантонский, английский и путунхуа. Этот принцип вполне отражает социолингвистические тенденции автономии. Так, если для подавляющего большинства населения Гонконга родным является кантонский, то вторым языком как правило выступает английский. Следует отметить, что в среднем степень владения английским языком у гонконгцев существенно выше, чем у их соотечественников из материкового Китая. Что же касается путунхуа, то основными факторами роста его распространённости являются постепенное внедрение в систему образования (в особенности на начальных этапах обучения) и непрерывное увеличение численности выходцев из материкового Китая с момента присоединения территории к КНР. Разумеется, далеко не все жители Гонконга приветствуют победное шествие путунхуа по автономии, справедливо опасаясь, что с ростом распространения путунхуа под угрозой оказывается идентичность Гонконга и его уникальность. Однако на официальном уровне провозглашается, что овладение путунхуа гонконгцами, в особенности молодым поколением, является важным конкурентным преимуществом региона на фоне растущей глобализации и непрерывного расширения контактов с материковым Китаем.

Что же касается второго специального административного района КНР — Макао, то здесь ситуация во многом схожа с Гонконгом. В автономии действует принцип «три письменности — четыре языка», где в качестве письменных выступают китайский, португальский и английский, а устных — кантонский, португальский, английский и путунхуа. Однако существенным отличием от Гонконга является то, что степень владения языком бывшей метрополии — португальским — в Макао крайне низка. Различные источники приводят разные цифры, но в целом количество владеющих португальским в объёме, достаточном для полноценного общения, колеблется от 3 до 7 процентов от всего населения Макао, насчитывающего примерно 550000 человек. Португальский в сегодняшнем Макао — скорее дань богатой истории региона, чем средство общения, хотя все официальные постановления в автономии по-прежнему выпускаются на обоих языках, а названия улиц неизменно дублируются по-португальски. Такая низкая популярность языка бывшей метрополии отчасти связана с крайне малой численностью собственно португальского населения, чей отток после возвращения Макао Китаю только усилился, частично с не слишком большой престижностью португальского языка в современном мире. Что же касается распространённости путунхуа в автономии, то здесь успехи китайских властей не столь впечатляющие, как в соседнем Гонконге. Однако едва ли могут быть сомнения в том, что популярность стандартного китайского в Макао со временем будет только расти, несмотря на противоречивое отношение к нему со стороны местного населения, родным для которого преимущественно является кантонский.

Таким образом, несмотря на то, что в материковом Китае и двух специальных административных районах проводится довольно различная по своей сути языковая политика, тем не менее, в обоих случаях её цели близки. Если в материковом Китае принцип «один язык, две письменности» призван укрепить лингвокультурное единство

Китая путём утверждения алфавита пиньинь цзыму в качестве единого фонетического стандарта общераспространённого китайского языка путунхуа, то в Гонконге и Макао принципы «две письменности — три языка» и «три письменности — четыре языка» по сути также служат инструментом для продвижения и популяризации путунхуа в этих двух регионах при сохранении за кантонским статуса местного официального устного языка. Что же касается официального статуса английского в обоих автономиях, то эта мера представляется вполне оправданной ввиду большой вовлечённости Гонконга и Макао в мировую экономику. Наконец, можно с большой долей вероятности предположить, что португальский со временем потеряет статус официального в Макао ввиду его крайне малой востребованности.

1. Алексахин А.Н. Вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа для русскоязычных студентов. Фонема — Звук речи — Слог — Слово. М.: Восточная книга, 2013. 176 с.
2. How many languages are spoken in China? [Электронный ресурс] // Интернет-портал Asian Absolute. Режим доступа: <https://asianabsolute.co.uk/blog/2018/04/24/languages-spoken-in-china/> (Дата обращения: 07.10.2018)
3. Завьялова О. И. Путунхуа и диалекты: новые реалии китайского мира / О. И. Завьялова. // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № – С. 130–138.
4. 2016 Population By-census. Summary Results [Электронный ресурс] // Office Census and Statistics Department. – 2017. – URL: <https://www.bycensus2016.gov.hk/data/16bc-summary-results.pdf> (дата обращения: 07.10.2018).
5. How many people in Macau can speak Portuguese? [Электронный ресурс] // Quora. – 2016. – URL: <https://www.quora.com/How-many-people-in-Macau-can-speak-Portuguese> (дата обращения: 07.10.2018).

Куксова Е.Л.**Роль и место французского языка в странах Магриба***НИУ БелГУ
(Россия, Белгород)**doi: 10.18411/sr-10-10-2018-12**idsp: 000001:sr-10-10-2018-12***Аннотация**

Статья посвящена вопросам функционирования французского языка в странах Северной Африки. Особое внимание уделяется вариативности французского языка, которая связана с уровнем его носителей и их социальным статусом. В статье выделяется три основных группы носителей французского языка: акролекты, мезолекты и базилекты.

Ключевые слова: контактная лингвистика, языковые контакты, вариативность, франкофония, французский язык.

Annotation

The article is devoted to the functioning of the French language in the countries of North Africa. Particular attention is paid to the variability of the French language, which is related to the level of its speakers and their social status. The author of the article distinguishes three main groups of the French language speakers: acrolects, mesolects and basilects.

Key words: contact linguistics, language contacts, variability, francophonie, French.

В Северной Африке, в состав которой по определению ООН входят Алжир, Египет, Ливия, Мавритания, Марокко, Судан, Тунис и оспариваемая территория Западной Сахары, четыре страны (Алжир, Мавритания, Марокко, Тунис) являются бывшими колониями Франции. Получив независимость в середине XX века, эти страны

полностью избавились от французского влияния. Однако, несмотря на то, что арабский язык является единственным официальным в этих странах, французский язык все еще сохраняется на их территории.

Бывшие колонии Франции из числа Северной Африки принято называть Магрибом. Общее число франкофонов на территории Магриба составляет примерно 33,4 миллионов. В Тунисе 64% жителей говорят по-французски, в Алжире – 57%, в Марокко – 41,5%. Как показывают статистические данные, французский язык сохраняется в большом количестве в странах Магриба, несмотря на агрессивную и неблагоприятную лингвистическую политику этих государств.

За французским языком закреплены «благородные» сферы общения: сфера науки и образования, сфера межгосударственного и международного общения, современного производства, средств массовой информации, сфера деловых отношений и т.д. В Мавритании французский используется для межэтнического общения. В Тунисе и Марокко французский язык подчеркивает социальный статус своего носителя. Отметим, что в странах Магриба все еще живут потомки колонизаторов.

Многие ученые отмечают, что французский язык представлен своим территориальным вариантом, подчеркивая его адстратный статус на территориях вне Франции ввиду параллельности его существования с местными языками [Веденина 1988; Клоков 2005; Тупейко 2015].

Колониальная экспансия французов на севере Африке началась в 1830 году. Тогда французы столкнулись с серьезным сопротивлением местного населения, представленным арабами и берберами. Французский язык, являясь инструментом европеизации местного населения, распространялся в чужеродной социо- и лингвокультурной среде, что способствовало формированию характерных особенностей местного варианта французского языка в этих колониях, разнородных по лингвистическому составу, но имеющих общий арабский язык. Последний вытеснялся колонистами во всех сферах деятельности за исключением религии [Багана 2006, с. 27].

В.Т. Клоков обращает внимание на наличие диглоссии в странах северной Африки, вызванную тем, что французский язык импортировался, с одной стороны, в литературно-письменной форме, а с другой – в просторечной форме, носителями которой были французские солдаты. Литературная норма французского языка преподавалась в школах, путем внедрения парижской формы речи, просторечие же распространялось само по себе при устном неформальном общении [Клоков 2005, с. 183].

Лингвистическая ситуация диглоссии осложнялась еще и контактом французского языка (литературного и просторечного) с местными языками (арабский и берберский). Отметим, что арабский язык оказал более существенное влияние на французский язык, нежели берберский. Это объясняется тем, что большая часть населения, жившая в городах и равнинной сельской местности, говорила на арабском языке, тогда как берберы занимали в основном горные территории. В некоторых странах (например, в Тунисе) число берберов было малозначительно. Более того, берберы были в основном двуязычны, поскольку их деревни находились недалеко от арабских поселений, где арабский язык служил языком-посредником [Lanly 1962, p. 34].

Французский язык, носители которых предпочитали располагаться в городах, практически не взаимодействовал с берберскими языками. В городах французский язык контактировал с устными диалектными формами арабского языка. Классический арабский язык или язык Корана, бывший долгое время престижным, был деклассирован. Его место занял французский язык [Lanly 1962, p. 35].

Освободившись от колониальной зависимости в 60-е годы XX в., языковая ситуация в странах Магриба немного изменилась: арабский язык стал единственным официальным, при этом французский язык не потерял своей значимости.

Доминирование французского языка в благородных сферах общения, объясняется низким уровнем развития местных языков и ограниченностью их использования из-за отсутствия научно-технической терминологии, стилевой

дифференциации и необходимых для современной жизни выражений [Веденина 1988, с. 190].

Французский язык в странах Северной Африки имеет три основные формы: 1) нормативный французский язык, отмеченный лишь некоторыми локальными особенностями; 2) региональный (локальный) французский язык; 3) креолизированный французский язык [Тупейко 2015, с. 64].

Каждая отдельно взятая форма французского языка Северной Африки соответствует уровню ее носителя, который может быть *акролектом*, *мезолектом* и *базилектом*. Данные понятия характеризуют языковые разновидности от стандартного французского до креолизированного, которые можно применить к французскому языку в Магрибе. Нормативный французский язык, который незначительно отличается от стандартного общепарафранцузского языка, используется образованными магрибинцами, т.е. акролектами. Мезолектный французский язык представляет собой народно-разговорную или обиходно-разговорную форму речи, насыщенную регионализмами. Мезолекты могут быть журналистами, служащими, преподавателями, студентами (представителями среднего класса). Французский язык базилекта является разговорной формой французского языка, в которой обнаруживается значительное воздействие со стороны местных языков. Как правило, базилекты говорят на креолизированном французском языке. К этой группе населения относятся та часть, чей уровень образования является низким и/или в среде, которой французский язык встречается нерегулярно.

Подводя итоги, вспомним, что французский язык получил свое распространение в странах Магриба в годы колониальной деятельности Франции. Изначально французский язык навязывался местному населению, но со временем вошел в жизнь местных жителей настолько прочно, что даже после отмены колониального режима, сохранил за собой привилегированное место в социокультурной жизни рассматриваемых стран. Важно отметить, что французский язык потерял свой национальный статус, но не вышел из употребления.

Французский язык, изолированный от метрополии, подвергается постоянному влиянию арабского языка. Это влияние проявляется тем сильнее, чем ниже уровень грамотности его носителя, охватывая пространство между двумя противоположными группами населения. С одной стороны, находятся чиновники высшего звена, творческая и научная интеллигенция, а также писатели, которые пользуются в большей степени нормированным языком (акролекты). С другой стороны, выделяется часть жителей (базилекты) с довольно низким уровнем владения французским языком. Между данными группами находится немалочисленная прослойка (мезолекты), представители которой демонстрируют удовлетворительный уровень владения французским языком.

Еще одной проблемой, связанной с языковым уровнем представителей стран Магриба, является диглоссия (наличие литературной и просторечной формы языка), которая объясняется исторически, но проявляется не у всех носителей. Только акролекты и мезолекты могут переключаться с одного языкового регистра на другой, поскольку только они владеют различными формами французского языка. Базилекты же не могут выйти за рамки просторечной креолизированной формы французского языка.

1. Багана Ж. Французский язык в Африке: проблемы интерференции: Ин-т языкознания РАН. М.: Наука, 2006. 163 с.
2. Веденина Л.Г. Особенности французского языка: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1988. 240 с.
3. Клоков В.Т. Французский язык в Северной Америке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 400 с.
4. Тупейко Д.В. Лингвокультурологические особенности французского языка в Марокко: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Белгород, 2015. 217 с.
5. Lanly A. Le français d'Afrique du Nord (Algérie-Maroc). Presses universitaires de France. Paris. 1962. 367 p.

Новикова М.В.

Зарождение имажинизма

*Воронежский государственный технический университет
(Россия, Воронеж)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-13

idsp: 000001:sr-10-10-2018-13

Аннотация

Статья посвящена одному из ярких и неоднозначных явлений в литературной жизни России начала XX века — имажинизму, его характерным особенностям, истокам появления. Особое внимание уделяется дискуSSIONному среди литературоведов вопросу о связи английского имажизма и русского имажинизма.

Ключевые слова: русская литература начала XX века, имажинизм, английский имажизм, образ.

Abstract

The article is devoted to one of brightest and ambiguous phenomena in literary life of Russia at the beginning of the 20th century - imagism, its specific features, the origins of its genesis. Particular attention is paid to discussion among literary scholars about relationship between English imagism and Russian imagism

Keywords: Russian literature of the early XX century, imagism, English imagism, image.

Введение

Для мировой культуры начала XX века характерно параллельное независимое появление нескольких авангардистских поэтических и художественных течений, представители которых разрабатывали принципиально новую образную систему поэтического или художественного произведения, стремясь выйти за пределы настоящего, обращаясь к будущему или забытому прошлому, чтобы преодолеть кризис современного искусства.

Одним из ярких и неоднозначных явлений в литературной жизни России начала XX века стал имажинизм. Сформировался он в рамках авангардной литературы в начале XX века в контексте кризиса классической литературной традиции и на какое-то время объединил совершенно разных отечественных поэтов — В. Шершеневича, А. Мариенгофа, С. Есенина и других. Эта группа литераторов во главу угла поэтического творчества ставила понятие образности.

Цели исследования

В данной работе мы ставим своей целью проведение сопоставительного анализ английского имажизма и русского имажинизма. И выяснить, насколько сильно было влияние зарубежного собрата.

Результаты и их обсуждение

Большинство исследователей небезосновательно считают, что главным поэтом, внесшим вклад в развитие русского имажинизма, можно считать поэта, критика, драматурга, теоретика стиха и театроведа, переводчика и мемуариста Вадима Габриэлевича Шершеневича. Именно он стал основным разработчиком «Декларации» имажинистов, с которой в 1919 году имажинизм «ворвался» в литературно-культурную жизнь страны. В «Декларации» озвучено основное направление имажинизма: «Единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов».

Сам же термин «имажионизм» (именно так он изначально звучал) впервые появился раньше, в 1916 году, в книге еще не порвавшего с футуризмом В.Г. Шершеневича «Зеленая улица. Статьи и заметки об искусстве», где он обращает внимание уже не на содержание, а на форму поэтического образа.

Несмотря на относительную непродолжительность существования русского имажинизма, это литературное явление в своем развитии прошло несколько этапов: доорганизационный (1913-1918); создание и расцвет (1919-1922); внутригрупповой полемики (1922-1924); постесенинский (1924-1927). Основные принципы имажинизма были сформулированы в разнообразных декларациях, манифестах и других произведениях представителей этого течения.

В теории и практике русские имажинизмы опирались на достижения отечественной и зарубежной поэзии с усложненной образностью. Имажинистскими они считали ветхозаветную «Песнь песней», образностью наделяли произведения устного народного творчества (загадку, пословицу), «Слово о полку Игореве» и т.д., расширяя рамки литературного учения до некоего национального мировоззрения.

Одними из предшественников русских имажинистов можно считать и англо-американских литераторов, которые в начале 1910-х годов создали новую поэтическую школу «имажизм» (от англ. *image* — образ). Наиболее известными поэтами и теоретиками этого направления считаются Э. Паунд, Т. Хьюм, Т. Элиот, Р. Олдингтон. Можно выделить следующие основные принципы англо-американского имажизма: «чистая образность», ассоциативность поэтического мышления, стихотворения как цепочка образов, отказ от традиционной метрики и строфики.

Имажизм сформировался в лондонском литературном кружке, названном «Клубом поэтов». Главная задача его членов — поиск новых поэтических форм взамен существующих, не удовлетворяющих эстетике современности. Появление в 1908 году стихотворения Т.Э. Хьюма «Осень», наглядно представившего систему новых изобразительных средств, и прежде всего поэтические образы — конкретные, зримые и в то же время неожиданные, ознаменовало собой рождение новой поэтической школы.

Также Т.Э. Хьюм утверждал: «Образы в стихе — не просто декорация, но самая суть интуитивного языка», назначение же поэта — искать «внезапность, неожиданность ракурса». Теоретик имажизма подчеркивал важность зрительности образов в поэзии: «Новые стихи подобны скорее скульптуре, чем музыке, и обращены более к зрению, нежели к слуху».

Другой теоретик имажизма — известный английский поэт Эзра Паунда. Э. Паунд также сравнивал поэзию с «застывшей в слове скульптурой». Его перу принадлежит и программное для теории имажизма произведение «Несколько запретов», в котором поэт представляет свою эстетическую и творческую позицию от противного — объясняет, как не надо писать стихи.

За те несколько лет, что существовала поэтическая школа (распалась она в середине 1910-х годов), было напечатано немало манифестов, статей, представляющих круг интересов имажистов в области поэтического стиля, формы, техники.

Поэтика имажистов формировалась под влиянием разных традиций, сочетая в себе черты и французского символизма, и поэзии Древнего Востока. Французский символизм и английский имажизм были связаны спектром сходных мировоззренческих и литературных проблем своего времени. Однако символистское видение мира представляет собой некую сверхчувственную модель, обладающую внутренней логикой. Имажистское мироощущение представлено потоком обособленных образов, обусловленных непосредственным чувством, стихийной эмоциональностью.

Классические традиции поэзии Китая и Японии заинтересовали имажистов отсутствием рифмы, разнообразием звуковой и ритмической организации, обусловили различные ритмические эксперименты, целью которых было нарушить каноническую рифму и отказаться от правильных метрических построений.

Английский имажизм обогатил литературу новыми стихотворными формами, разнообразием размеров строфы и строки, неожиданными образами, в значительной мере повлиял на дальнейшее развитие английской и мировой поэзии.

Несомненно, в русских литературных кругах об имажизме было известно. Достаточно подробная информация об этом течении была представлена в 1915 году в статье З. Венгеровой «Английские футуристы», в которой автор рассказывает о встречах и беседах с одним из основоположников нового направления в англо-американской поэзии Эзрой Паундом [9]. Кроме этого, известно, В. Шершеневич был знаком с поэзией Э. Паунда, читал его произведения в оригинале. Однако утверждать, что русский имажинизм сформировался на основе английского имажизма некорректно.

В основе русского имажинизма было учение об образе, значительно отличающееся от теории образа имажистов. Русские имажинисты особое значение придавали слову, «рождавшемуся из чрева образа», во многом опираясь на учение А. Потебни. Ученый различал в составе слова его «внутреннюю форму» (содержание), внешнюю оболочку (форма) и изначальную образность. Имажинисты, отвергая содержательную и формально-звуковую стороны, акцентировали творческое внимание на образности слова.

В теоретическом трактате «Буян-остров» А. Мариенгоф так говорит о незначительности звуковой формы слова для поэзии: «Насколько незначителен в языке процент рождаемости слова от звукоподражания в сравнении с вылуплением из образа, настолько меньшую роль играет в стихе звучание...».

Имажинисты утверждали, что слово и, в целом, речь и язык родились из глубины образа, то есть первичным элементом слова является образ, он и принадлежит поэзии. Таким образом, главная задача поэта — найти первоначальный образ слова, который был утерян и вытеснен значением слова. Задача поэта — «отшлифовать образ».

Особое внимание уделялось языку как знаку, системе, инструменту. Учитывая новейшие для начала века исследования лингвистов, теоретики имажинизма сформулировали мысль об уникальности и особенных свойствах языка поэзии. Важным для теоретических постулатов имажинистов стало утверждение, что язык на ранней стадии эволюции был насыщен образными образно-поэтическими элементами, соответственно необходимо обратиться к изучению истоков языка, к древней словесности.

В «Декларации» также раскрывается специфическое понимание роли эстетического воздействия художественного образа как основы имажинизма. А определяющим в поэзии называется впечатление от искусственно сконструированного образа.

А. Мариенгоф в свою очередь писал: «Одна из целей поэта: вызвать у читателя максимум внутреннего напряжения. Как можно глубже всадить в ладони читательского восприятия занозу образа». Для этого он рекомендовал использовать «нарочитое соитие в образе чистого с нечистым». Стремясь к максимальному насыщению своих произведений образами, имажинисты были категорически против использования поэтических штампов, многократно употребляемых в поэтической речи. В. Шершеневич в свою очередь подчеркивал, что образ не должен быть похож, так как похожесть — это недостаток, а не достоинство.

Еще одной особенностью усложненной образности является то, что, несмотря на ее точность, она зачастую далека от номинального значения, создавая тем самым «всепоглощающую» метафоризацию. Избыточный характер метафорической образности становится у имажинистов характерной особенностью поэтического мышления. Самодовлеющая метафора оказывается определяющим художественным принципом, а метафорический образ — единственным методом «обновления слова».

Следует подчеркнуть, что имажинизм для членов этой литературной группы был и философией, и религией, но каждый понимал эти термины по-своему. В. Шершеневич писал: «Имажинизм — не только литературное течение. Имажинизм имеет и определенное философское подсознательное обоснование. Это строительство нового — анархического, индивидуалистического — идеализма». В. Мариенгоф считал, что поэтическое произведение «можно сравнить с целой философской системой, в то же время не навязывая поэзии философских задач, а ряд вплотную спиной к спине стоящих образов — философскими трактатами, составляющими систему».

Имажинизмы воплощали в жизнь одну из основных культурных идей начала века, которая заключалась в эстетической свободе в повседневном существовании, создавая не только произведения нового искусства, но и декларируя новый образ жизни. В программных вопросах поэтики среди имажинистов не было единство, что обусловило назревание кризиса теоретических взглядов. Были составлены еще ряд программных документов, в частности, «Почти декларация», в которой была заявлена отмена произвольного образного конструирования и установлена строгая иерархия образов и жанров литературы. Вершиной искусства утверждается создание «образа эпохи». Выход нескольких программных документов не смог преодолеть творческих разногласий, и вскоре литературная группа распалась.

Становление и дальнейшее стремительное развитие и угасание имажинизма сопровождалась характерными для авангардизма сенсационностью и пестротой проявлений. Споры, скандальные выступления, эпатаж сопровождали имажинистские презентации, концерты, различные творческие начинания. Таким образом реализовывалось программное стремление к исключительности, бескомпромиссному отвоевыванию своего места в искусстве. Творческая концепция имажинизма, основанная на принципиальном антиэстетизме, аморализме, цинизме и выражавшаяся в шокирующих отталкивающих образах, имеет давнюю историю. Эта стратегия встречалась в рамках других литературных направлений разных эпох, в том числе античности, средневековья и Возрождения.

Н.С. Бандурина объясняет это следующим: «Типологически сходные исторические ситуации, связанные с эпохами упадка, кризиса порождали аналогичные идеи, настроения, типы поведения».

Имажинизм — это не «поэзия революции» в чистом виде, но — «революционная поэзия», и, по мнению многих исследователей, анализ и оценка его как литературного явления должны совершаться обязательно с учетом его модернистско-авангардистской природы.

Заключение

Основные положения имажинизма, такие как конструирование поэтических образов, их комбинирование, создание поэтического произведения как своеобразного каталога художественных образов, сближают его с программными установками английского имажизма. Отметим, что поиски имажинистов в области поэтической словесности в некоторой степени продолжали традиции, заложенные их

предшественниками, и концентрировались вокруг важных и актуальных для того времени проблем.

При рассмотрении природы и истоков русского имажинизма и, особенно при сопоставлении с английским имажизмом представляется более корректным говорить не о прямых влияниях и заимствованиях, а о сходствах и различиях в контексте литературных течений XX века.

1. Антология имажизма: Пер. с англ. / Общ. ред., предисл, послесл. А. Кудрявицкого. — М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. — 388 с.
2. Бандурина, Н.С. Имажинизм в контексте европейских и отечественных течений начала XX века / Н.С. Бандурина // Филологические науки: вопросы теории и практики. — 2012. — №1. — С. 16-22.
3. Декларация // Поэты-имажинисты / сост., подг. текста, биограф. заметки и примечания Э. М. Шнейдермана. СПб.: Пб. писатель; М.: Аграф, 1997. 536 с.
4. Мариенгоф А. Буян-остров // Поэты-имажинисты / сост., подг. текста, биограф. заметки и примечания Э. М. Шнейдермана. СПб.: Пб. писатель; М.: Аграф, 1997. С. 26-42.
5. Никитина С. Е. Французский символизм и английский имажизм // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. — 1986. — № 4. — С. 60-62.
6. Павлова, И.В. Имажинизм в контексте модернистской авангардной поэзии XX века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. — Москва, 2002.
7. Поэты-имажинисты / сост., подг. текста, биограф. заметки и примечания Э. М. Шнейдермана. СПб.: Пб. писатель; М.: Аграф, 1997. 536 с.
8. Русский имажинизм: история, теория, практика. М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 406 с.
9. Шершеневич, В.Г. Листы имажиниста: Стихотворения. Поэмы. Теоретические работы. Ярославль: Верхн.-Волж. кн. изд-во, 1996. -528 с.

РАЗДЕЛ VI. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Казакова Е.А.

**Культурные «вызовы» современной научной рациональности:
к постановке проблемы**

*Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический
университет»
(Россия, Нижний Тагил)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-14

idsp: 000001:sr-10-10-2018-14

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению роли науки в пространстве современной социокультурной реальности, анализу основных проблем и противоречий, предъявляемых обществом к научной рациональности в целом. Неоднозначность положения техники, как способа существования научности, так же подвергнута в статье критическому анализу.

Ключевые слова: наука, техника, научный поиск, научное открытие.

Наука, как форма общественного сознания, коренным образом изменила жизнь человека и общества. Заключая в своём арсенале специфические методы, формы, уровни рационального познания, наука сделал возможными и привычными для нас многие явления современной жизни. Развитие медицины, транспортной сферы, информационных технологий, средств коммуникации на сегодняшний день не вызывает сомнений. Однако прогресс в сфере научных достижений неминуемо влечёт за собой ряд проблем и противоречий, теоретический анализ которых необходим и своевременен.

Наука как деятельность по получению новых знаний, их систематизации и культурной трансляции должна работать на длинные дистанции (так называемое «правило 100 лет»): «...это некая закономерность во взаимоотношениях науки и общества во времени» [1, с. 54]. Результаты научных поисков и открытий – согласно этому правилу – приобретут свою значимость и будут актуальны для общества через указанный промежуток времени. Однако современная социокультурная ситуация подчас требует немедленного внедрения научных открытий: «Общество не осознаёт, что именно срыв долгого исследования ставит под вопрос новое лекарство от гриппа или ввод в эксплуатацию нового автомобиля на электрическом ходу» [3, с. 6]. Прагматичный настрой современной культуры нацелен на получение сиюминутных, здесь-и-сейчас результатов, выраженных, зачастую, в технических новинках, интересных и потребляемых обществом в глобальном масштабе. В результате техника, по сути, становится единственно востребованной формой знания, всё дальше и больше расходясь с фундаментальной наукой.

Результативность становится способом «легитимации научного знания» (Ж. Лиотар), его подчинения критерию эффективности. Результатом данного процесса является падение собственно научного интереса как бескорыстного поиска истины, а также ангажированность учёного, завязанного в своей научной деятельности с интересами и целями заказчика. Эту тенденцию подтверждает и классик постмодернистского философского дискурса У. Эко, говоря о возникновении «низкого

“сговора” между учёными и масс-медиа» [3, с. 6] с целью привлечения спонсоров или же в угоду собственному тщеславию.

Безусловно, элиминировать технику чисто механически и требовать сегодня от учёного искреннего и бескорыстного служения истине было бы, по меньшей мере, странно. В лучшем случае такая попытка обернётся возвращением к традиционному обществу с его мифологически-синкретичным объяснением явлений и процессов.

Философско-отрефлексированный выход из сложившейся ситуации представлен в трудах М. Хайдеггера о сущности техники и её функционировании в жизни человека и общества. «Существо техники таит в себе – чего мы всего меньше ожидали – ростки спасительного» [2, с. 236] – заключает М. Хайдеггер. В силу того, что техника не даст современному человеку преодолеть себя, всё больше связывая его и окутывая разнообразием своих проявлений, М. Хайдеггер, в духе своей философской традиции, предлагает пересмотреть само явление техники, сместив угол обзора со средств и способов достижения цели с использованием техники, на заключённое в ней «потаённое», обеспечивающее саму возможность раскрытия потенциала человека при его взаимодействии с природой и обществом. Подобный взгляд на сущность техники лишает её демонизма и представляет учёному возможность «удивиться» сущности технологических новинок как раскрывающих человеческий потенциал во всём его многообразии.

Удивление и последующая за ней рефлексия по поводу технических новаций должны в какой-то степени сконституировать дальнейший вектор развития цивилизации и общества в целом, «пространство целей» (М.Хайдеггер). В этом процессе будут полезны совместные усилия учёных, философов, педагогов, религиозных деятелей.

Помимо всех прочих проблем и противоречий, пронизывающих систему современного школьного образования, техницизм, как способ обучения, так же может быть рассмотрен в данных категориях. Правильное представление о научных процессах, адекватный взгляд на научный прогресс как поступательное, кумулятивное действие, растянутое временно и топологически должны стать основой формирования научной грамотности у учащихся. «Школе очень свойственно впихивать в память учащихся отрывочные данные, связь между которыми непостижима и магична» – заключает [3, с. 7]. Ложные умозаключения о появлении той или иной технической или технологической новинки в определённых исторических реалиях при таком рассмотрении будут не редкостью. Инструментальный подход к технике и технологиям чреват тем, что превращает последние в новую магию, «не показывающую длинную цепь следствий и причин» [3, с. 6], а стремящуюся продемонстрировать всё и сразу ради достижения главной цели – успешности процесса обучения. Процесс изменения подачи учебного материала коррелируется с нормами учебных программ и учебных планов, в силу чего, говорить о массовом его видоизменении в обозримом будущем, наверное, не приходится. Однако научное сообщество должно вести просветительскую деятельность, чтобы влиять на общественное сознание и не быть названным «колдунами и жрецами истины в последней инстанции» [3, с. 7], шельмование которых в случае неудач будет абсолютным.

1. Малышевский В.С. Нужна ли человечеству наука? // Наука и техника. – 2006. – № 6. – С. 53 – 64.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления // Вопрос о технике: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
3. Эко У. Наука, технология и магия // Наука и религия. – 2008. – № 8. – С. 6 – 7.

Шаваева М.О.**Культурный туризм как фактор развития межкультурных коммуникаций***ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский государственный институт искусств»
(Россия, Нальчик)**doi: 10.18411/sr-10-10-2018-15**idsp: 000001:sr-10-10-2018-15***Аннотация**

В статье предпринята попытка выявления основных ресурсов развития культурного туризма в КБР. Культурный туризм рассматривается как динамический кластер, в котором активно реализуются межкультурные коммуникации.

Ключевые слова: Культурный туризм, ресурсы региона, этнотуризм, межкультурные коммуникации, традиционная культура.

По нашему мнению этнокультурный туризм можно представить как туристические поездки туристов-индивидуалов или организованных групп в места проживания малочисленных народов, с целью изучения и ознакомления с традиционной культурой, бытом, традициями и образом жизни данного народа. Как правило, направленных на сохранение этноса, воспроизводства условий его жизнедеятельности и национального возрождения, а также предполагающие взаимодействие культур разных народов и языков, их взаимное обогащение, уважение к другим культурам и идентификации своих культурных ценностей, ведущие к сплочению людей воедино.

На наш взгляд, на территории КБР этнокультурный туризм можно представить несколькими видами туризма, такими как этнографический, экологический (перспективы развития сельского и агротуризма), событийный, ностальгический, религиозный (культовый) и историко-культурный.

Выделим по нашему мнению основные характеристики этнокультурного туризма, в чем проявляется его специфика: бережным отношением к культурной среде; бережным отношением к окружающей среде; уменьшением к различиям между «западным» и местным образом жизни; готовностью к восприятию местной этнической культуры (обрядов, традиций, местной кухни и др.); участием местного населения в развитии и организации туризма и разделением им финансовых и других преимуществ от этой деятельности; мотивацией участников этнокультурных туров весьма схожи с эко- и агротуристами.

По нашему мнению, именно экотуристы с низким уровнем притязаний к уровню комфорта составляют ведущий сегмент на рынке этнокультурного туризма.

КБР обладает достаточным природным, культурным, историческим, развитым транспортным, коммуникационным потенциалом, развитой социальной и экономической инфраструктурой, что благоприятно влияет на развитие туризма, создания сферы сервиса и гостеприимства в районе.

Основной туристско-рекреационный потенциал района представлен следующими туристскими объектами и ресурсами:

Республика является уникальным очагом национальной культуры, где еще возможно увидеть древние обряды и обычаи кабардинского и балкарского народов;

Особую категорию ресурсов представляют историко-культурное наследие района, религия и этнокультурные особенности коренных народов, сохранивших вековые традиции природопользования и тесного общения с природой;

К историко-культурному наследию относятся общественно признанные материальные и духовные ценности, сохраняемые обществом для поддержания социальной и этнической идентичности и для передачи последующим поколениям;

Это информационный потенциал, запечатленный в явлениях, событиях, материальных объектах, морально-этических нормах, научных и философских представлениях, который необходим человечеству для своего развития;

Среди объектов культурного наследия особый интерес представляют формы живой традиционной культуры, отражающие культурные навыки и традиции обустройства жизненного пространства конкретных людей, проживающих на определенной территории.

Индустрия туризма должна поддерживать проекты, которые учитывают культурные и другие особенности местного населения, берегут культурное наследие наций. Небольшой процент от прибыли следует направлять на сохранение историко-культурных памятников, обычаев, национальных традиций.

«Культурно-познавательный», «этнографический» туризм — вне зависимости от конкретного названия этот вид туризма подразумевает активное использование значительного количества туристских ресурсов: как предметных (памятники археологии, этнографические объекты и объекты культовой, гражданской и ландшафтной архитектуры, исторические города и местности, сельские поселения, музеи, театры, выставочные залы, народные промыслы и ремесла, центры прикладного искусства, социокультурная инфраструктура, технические комплексы и сооружения, и др.), так и непредметных (обычаи, традиции, обряды, фольклор, устное народное творчество и т. д.).

Этнографический туризм имеет хорошие перспективы стать одной из визитных карточек Кабардино-Балкарии. Двум коренным народам республики, расположенной в самом центре Северного Кавказа, в истории этого региона принадлежит особенное место, которое и определяет привлекательность Кабардино-Балкарии для развития этнографического туризма.

В советское время понятия «этнотуризм» не существовало, но проблем с нехваткой туристов республика не испытывала. «Кабардино-Балкария была известна десятками туристических маршрутов всесоюзного значения, и раньше по дороге в Приэльбрусье нелегко было найти места для стоянки.

Когда Нальчик перестал быть закрытым городом, сюда сразу стало приезжать много иностранных групп». Сегодня этнографическая составляющая отдыха становится одним из значимых факторов возвращения сюда утраченных в начале 90-х туристов, а в перспективе должна стать самостоятельным видом туризма с собственной аудиторией.

Первоначальная задача состоит в том, чтобы создавать объекты показа, которые могли бы стать дополнением к основным видам отдыха в Кабардино-Балкарии: горным лыжам, альпинизму и лечению в санаториях.

В 2016 году, по данным министерства спорта и туризма КБР, республику посетило 173 тысячи туристов, из них более 50 тысяч человек — однодневные гости, приехавшие на экскурсии с Кавминвод; ещё примерно в треть от общего числа зафиксированных визитов оценивается количество неучтённых посетителей.

На данный момент в республике готова всего одна этнографическая площадка, созданная в Приэльбрусье владельцем одной из местных гостиниц, которая сможет принять туристов уже в этом году.

Она представляет собой строение в традиционном стиле, где туристы смогут ознакомиться с национальной кухней народов Кабардино-Балкарии и увидеть костюмированное шоу. Между тем, в республике разрабатываются и более масштабные проекты, направленные на развитие этнотуризма.

Один из них — проект этнографического парка «Земля нарттов» (нарты — легендарные кавказские богатыри, герои так называемого Нартского эпоса народов Центрального Кавказа) — был одобрен республиканским министерством туризма, внесён правительством КБР в реестр объектов, намеченных для перспективного строительства, и даже продемонстрирован на стенде Кабардино-Балкарии на одной из выставок MIPIM в Каннах.

Не менее необходима помощь республиканских властей и тем предпринимателям, которые делают вклад в создание привлекательного образа Кабардино-Балкарии. Нальчикское издательство Марии и Виктора Котляровых существует с 1992 года и за это время выпустило более двух тысяч книг — внушительное количество даже по столичным меркам (особенно если учесть, что в штате издательства всего шесть человек). Последние пять лет Котляровы в основном занимаются изданием книг о Кабардино-Балкарии — путеводителей, фотоальбомов, сувенирных изданий и научных исследований.

За последний год здесь состоялись такие события, как первый международный фестиваль этнического искусства «Алтын Майдан», приуроченный ко дню возрождения балкарского народа, II международный фестиваль молодёжного творчества народов СНГ, II международный фольклорный фестиваль «Танцы над Эльбрусом»; в мае в столице республики пройдёт всероссийский фестиваль «Студенческая весна».

Курортный парк — пожалуй, главная туристическая достопримечательность Нальчика — тоже является полноценным объектом этнического туризма, хотя сейчас и не используется в этом качестве. Фактически парк представляет собой живой музей садово-парковой культуры кабардинцев, и в таком качестве он замыслился с самого своего основания в 1847 году силами местного князя и полковника царской армии Атажуко Атажукина.

Парк, занимающий площадь 200 гектаров и вытянутый на 9 км, находится на территории старинных кабардинских поселений, в том числе крепости верховного князя Кабарды Асланбека Кайтукина, который считается основателем Нальчика (1724 год), и резиденций его подданных.

Среди рекреационных ресурсов Кабардино-Балкарии также можно выделить озера Гижгит - знаменитые по своей красоте и цвету воды озера вблизи селения Былым. Замечательная панорама, которая открывается с возвышенности не оставляет равнодушным ни одного приезжающего туда туриста. Хотя эти озера и обладают водой, наполненной вредными веществами, которые на протяжении многих лет выбрасывались из производственных отходов вольфрамо-молибденового комбината, они поражают своей красотой и неестественно голубым цветом воды.

Также к ресурсам рекреационного комплекса республики можно отнести п. Верхняя Балкария, который обладает существенным потенциал для привлечения туристов и развития соответствующей инфраструктуры. Здесь присутствуют исторические объекты, такие как башня Абаевых, и другие комплексы, которые в настоящее время требуют реконструкции и нуждаются в охране.

Кабардино-Балкария — это уголок, обладающий уникальной природой. Нельзя не упомянуть глубочайшие озера - Чирик кель - Голубые озера. А также Чегемские водопады, которые завораживают красотой как в летнее, так и в зимнее время года.

До сегодняшнего дня в высокогорье остались традиционные балкарские аулы, которые представляют бесспорный интерес для туристов, ищущих экзотических впечатлений. В одном из таких селений под названием Эльтубю сохранился дом, где в 1917 году родился крупнейший балкарский поэт Кайсын Кулиев, — сегодня это одна из республиканских достопримечательностей. Также здесь находится одно из самых мистических мест республики - комплекс древних захоронений, могильников.

В силу географического положения и исторической миссии республика способна стать главным этнокультурным центром всего Северного Кавказа и уже сегодня использует эти возможности.

Уровень культурного развития может быть использован также для создания благоприятного имиджа конкретного региона на туристическом рынке. Элементы и факторы культуры могут являться каналами распределения информации о туристических возможностях местности. Успех развития туризма зависит не только от материально-технической базы, соответствующей общепринятым стандартам и требованиям, но и от

уникальности национального культурного наследия, что является безусловным ресурсом КБР.

1. Голышев А. И. Социально-культурная жизнь региона. Псков : Псков, изд-во, 1999. — 237 с
2. Дзахмишева И.Ш., Карданова Ф.Х. Современное состояние и перспективы развития туризма в Кабардино-Балкарской республике // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-3. – 574 с.
3. Туризм как социокультурное явление: монография / науч. ред. Захарова Л. Н. – Тюмень, 2003.-256 с.
4. Туризм как фактор сохранения природного и культурного наследия региона / Е.Ю. Ерофеева // Туризм, экология и устойчивое развитие регионов: Материалы конф. – Тверь: ТвГУ, 2003.-267 с.

РАЗДЕЛ VII. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Гостеева А.В.

Иконография «праздников» Васильевского чина и их стилистические особенности в сравнении с «праздниками» Благовещенского собора Московского Кремля и Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры*Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-16

idsp: 000001:sr-10-10-2018-16

Аннотация

В данной статье будут рассмотрены пять икон из праздничного ряда Васильевского чина, на которых сохранился живописный слой начала XV в.: «Благовещение», «Сретение», «Крещение», «Сошествие во ад» и «Вознесение». В качестве сравнения будут приведены иконы со сходными сюжетами из иконостасов Благовещенского собора Московского Кремля и Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры.

Ключевые слова: иконопись, иконография, XV век, праздники, Северо-восточная Русь, московская школа.

Данная статья посвящена сравнительному анализу праздничных чинов из иконостасов Успенского собора во Владимире (т.н. Васильевский чин) (нач. XV в.), Благовещенского собора Московского Кремля (нач. XV в.) и Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры (1427 г.). Данные памятники выбраны для сравнения в виду того, что это первые высокие иконостасы на Руси, то есть они послужили «отправной точкой» для сложения иконографии оформления иконостаса как комплекса. Все три иконостаса являются основными комплексами северо-восточной Руси в первой трети XV в., включающими в себя «праздники».

На иконе «Благовещение» из Васильевского чина справа мы видим Богородицу в зеленом хитоне и вишневом мафории, сидящую на алой подушке на скамье без спинки. Напротив нее в резком порыве изображен архангел Гавриил, который благословляющим жестом правой руки обращается к Марии. Действие разворачивается на фоне архитектурного стаффажа. В иконе «Благовещение» из Васильевского чина использован извод так называемого «Благовещения с пряжей», где Богородица представлена сидящей, ее голова склонена, в левой руке она держит веретено, а правая развернута к Гавриилу. В иконе «Благовещение» из Благовещенского собора Московского Кремля использован тот же извод, но в данном случае голова Богородицы поднята и вместе с тем поднята ее левая рука с веретеном. В сравнении с «Благовещением» из Васильевского чина заметно, что иконы восходят к разным образцам одного извода, что следует из разных жестов Богородицы и цвета одежд Гавриила. Подобный извод был популярен в позднепалеологовское время, и встречается, например, во фресках ц. Богородицы Перивлепты в Мистре (1380 г.). В «Благовещении» из Троицкого собора заметно, что икона очень близка к Васильевскому «Благовещению», на что указывает та же склоненная голова Богоматери, ее опущенная левая рука и правая, обращенная к Гавриилу. Также совпадает стремительная поза архангела. Можно предположить, что иконы восходят к одной прориси.

Для иконы «Благовещение» из Васильевского чина в качестве стилистических особенностей можно выделить некоторую статичность, застылость композиции, несмотря на то, что архангел Гавриил изображен в стремительном движении, обращенном к Марии. Еще больше момент остановившегося движения подчеркивает

поза Богородицы: она склонила голову и как бы ждет, что скажет ей Гавриил. Складки одежд архангела выполнены в довольно жесткой графичной манере, они лишь подчеркивают то, что Гавриил уже почти остановился, хотя мгновение назад он еще летел. Одежды Марии полностью окутывают ее, тем самым фигура Богоматери становится как бы лишенной объема, мы видим только силуэт, созданный одеждами, но не видим плоти. Архитектура на заднем плане выполнена объемно, мы ее видим глубину, что еще больше подчеркивает плоскостность фигур. В иконе из Благовещенского собора мы видим более мелкий, дробный рисунок, удлинённые пропорции фигур. Здесь также велика роль линии, которая стремится создать четкие, ровные контуры. Наряду с этим, присуща и некоторая резкость, угловатость, что особенно заметно в рисунке складок развевающихся подолов одежд архангела. Архитектура изображена довольно объемно, поэтому на ее фоне четко очерченные фигуры кажутся плоскими. Для иконы выбрана теплая светлая цветовая гамма, где единственным ярким пятном является изображение киноварного покрывала над фигурами Богоматери и Гавриила. Для «Благовещения» из Троицкого собора характерна силуэтность фигур, они очерчены четким ясным контуром. Здесь линия становится более мягкой и плавной, нет угловатости, которую можно было заметить в иконах двух других чинов. В иконе использован очень теплый светлый колорит, фигура архангела почти сливается с желто-золотым фоном. Как и в благовещенской иконе здесь тоже выделяется красный покров, но в троицкой иконе красный цвет мягкий и приглушенный, он не выделяется из общего цветового решения.

Сюжет «Сретения» разворачивается на фоне храма, пространство которого символизируют архитектурные формы по бокам и соединяющая их красная ткань. Подобные формы весьма характерны для XV в. (например, фрески ц. Пантанассы в Мистре, 1428 г.). В центре находится киворий, перед которым справа стоят Симеон Богоприимец в зеленом хитоне и охристом гиматии и пророчица Анна в зеленом хитоне и мафории со свернутым свитком в руке. Слева от кивория расположены фигуры Богоматери в зеленом хитоне и вишневом мафории и Иосифа Обручника в зеленом хитоне и оливковом гиматии, держащего в руках двух жертвенных голубей. Здесь использован вариант иконографии, где Младенец одет в желто-золотистую рубашку и уже находится на руках Симеона, но не касается его щекой. Данная схема была распространена до середины XIII в., однако нередко встречалась и в позднепалеологовских памятниках. Для «Сретения» из Благовещенского собора был использован другой извод, где Младенец еще находится на руках Богородицы, фигура Анны расположена не за Симеоном, а за Марией, киворий смещен вправо. В иконе из Троицкого собора композиция повторяет Васильевское «Сретение» с Симеоном, держащим Младенца на руках, но здесь она более камерная, что выражается в соприкосновении щек Симеона и Младенца. Скорее всего, был использован один извод, но в данном случае нельзя говорить об одних прорисках, так как отличается положение головы пророчицы Анны (в иконе из Успенского собора она склонена) и по-разному решено архитектурное оформление фона, хотя изображены одни и те же формы.

В качестве стилистических особенностей «Сретения» из Васильевского чина можно выделить некую статичность поз, их тяжеловесность. Однако присутствует и некоторый момент динамики, что подчеркивается четко очерченными контурами фигур, линейным ритмом складок покрывала престола. За счет довольно плоскостного изображения архитектурного фона, фигуры, вынесенные на передний край ковчега, кажутся достаточно объемными. Мастер использовал весьма сдержанный колорит, но киноварный покров престола выделяется из общего цветового решения, тем самым, подчеркивая композиционный центр сцены. Для благовещенской иконы «Сретение» можно выделить вытянутые, удлинённые пропорции фигур. Плавность и ритмичность линий особо подчеркивается тем, что фигуры расположены на почти одинаковом расстоянии друг от друга, и их головы, увенчанные нимбами, находятся на одной высоте. Для «Сретения» из Троицкого собора также характерны удлинённые

пропорции фигур, но здесь уже нет такой ритмичности, контуры не такие резкие и угловые, как в «васильевской» иконе. Особенно выделяется довольно плоскостная, линейная манера в рисунке фигур, но в то же время, лики выписаны очень объемно и живописно. Для икон из Благовещенского и Троицкого собора характерен светлый теплый колорит.

В иконе «Крещение» действие происходит на фоне скалистых гор и вод Иордана. Христос изображен фронтально, в белой повязке. Его правая рука сложена в благословляющем жесте и лежит на животе, а левая опущена на бедро. Справа от Спасителя изображена фигура Иоанна Предтечи, но она не так изогнута, как в двух других иконах (из Благовещенского собора Московского Кремля и Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры). Креститель одет в темно-зеленую власяницу и такого же цвета гиматий. Слева от Христа расположены фигуры четырех ангелов, двое из которых смотрят на воды Иордана, а двое другие – наверх, на нисходящий Святой Дух в виде голубя. В васильевском «Крещении» использован краткий тип иконографии, где нет иудеев, крестящихся в Иордане вместе со Спасителем, но на иконе присутствуют персонификации Иордана и моря, в воде плавают рыбы, что говорит о внимании к деталям. В «Крещении» из Благовещенского собора та же поза Христа, что и в иконе из Васильевского чина, но заметно, насколько сильно отличаются фигуры Крестителя. Если в иконе из Успенского собора он как бы шагает ко Христу и лишь слегка склоняется к нему, то в кремлевской иконе он статичен, его фигура сильно изогнута. Также отличны и одежды Предтечи: в васильевском «Крещении» мы видим власяницу и зеленый гиматий, а в московской иконе Креститель изображен в желтом хитоне и зеленом гиматии. Для иконы из Благовещенского собора характерно отсутствие мелких деталей. «Крещение» из Троицкого собора почти полностью повторяет икону из Благовещенского собора: та же согбенная поза Предтечи и его одежды, та же поза Христа, повторено изображение группы ангелов. Лещадки и расположение растительности в точности повторяют кремлевскую икону. Вероятно, для этих двух икон была использована одна прорись.

Манера, в которой выполнена икона «Крещение» из Васильевского чина, является наиболее живописной из тех, которые мы видим в других четырех иконах из Успенского собора. Здесь мы также наблюдаем четко очерченные контуры фигур, но роль линии не является доминирующей. Большое внимание мастер уделяет объемной проработке форм за счет светотени, причем лики трактованы более объемно, чем фигуры, что особенно заметно в изображении ангелов. По сравнению с другими четырьмя иконами чина именно в «Крещении» ярче всего проявляется роль цвета: здесь он служит одним из способов придания объема фигурам. Наряду с этим, колорит «Крещения» является наиболее глубоким и насыщенным. В «Крещении» из Благовещенского собора мы видим совершенно другую манеру: здесь, как и в других иконах этого чина, велика роль линии. Она создает плавные контуры фигур, но вместе с тем используется и для детальной проработки складок одежд. Чувствуется дробность, некоторая детализированность в рисунке, присуща декоративность, манеру нельзя назвать монументальной и живописной. Колорит теплый, неяркий, даже темные воды Иордана не выделяются из общего цветового решения. Касательно иконы из Троицкого собора довольно сложно говорить о стилистике, в виду ее плохой сохранности. Однако можно заметить, что здесь также использованы тонкие графичные линии для создания силуэтов и разделки одежд. Заметно, что фигуры довольно плоские, на их фоне горки на заднем плане кажутся более объемными. Для иконы характерен теплый светлый колорит, преобладают охры, фигуры почти сливаются с охристо-желтым фоном.

В иконе «Сошествие во ад» из Васильевского чина мы видим, что действие разворачивается в пещере ада. Христос в охристо-желтых одеждах стоит на поперенных вратах и правой рукой вытягивает за запястье коленопреклоненного Адама. Всю фигуру Спасителя окружает мандорла в виде четырех концентрических окружностей, через которые проходит свет от Христа. Рядом с Адамом стоит Ева, а за ее спиной – группа праведников. По правую руку от Спасителя представлена группа ветхозаветных

царей, возглавляемая Давидом и Соломоном. Здесь мы наблюдаем более архаичный вариант иконографии, где Адам и Ева изображены с одной стороны от Христа, хотя со второй половины XIV в. распространяется вариант иконографии, где Адам и Ева находятся по разные стороны от Христа. Также в данной иконе выбран развернутый иконографический тип, для которого характерно большое число персонажей, что тоже стало распространенным со второй половины XIV в. Для иконы из Васильевского чина был выбран извод, где Христос изображен в резком повороте и вытягивает за руку Адама, а во второй держит свиток как символ проповеди. В иконе из Благовещенского собора использован вариант иконографии, где Адам и Ева находятся по разные стороны от Христа. В отличие от васильевского «Сошествия во ад», где Христос повернут к праведникам, в этой иконе он повернут к царям. Также изменено и расположение фигуры Христа: если в иконе из Успенского собора Спаситель попирает врата ада, то здесь он находится как бы на краю. В иконе из Троицкого собора был использован тот же иконографический тип, что и в васильевском «Сошествии во ад»: Христос повернут к Адаму, стоящему в группе праведников вместе с Авелем, и вытягивает его за руку, а рядом с этой же стороны расположена коленопреклоненная фигура Евы. Вероятнее всего, образцом для иконы 1425-27 гг. послужило именно васильевское «Сошествие во ад».

В качестве стилистических особенностей «Сошествия во ад» из Успенского собора можно выделить статичность композиции, некоторую жесткость контуров. Фигуры изображены довольно плоскостно, объем виден лишь там, где мастер подчеркивает его за счет складок одежд и белильных высветлений на них. Здесь нет динамичных поз и жестов, очертания фигур угловаты, что особенно видно в изображении Спасителя. Довольно крупные фигуры, занимающие две трети ковчега, смещены на первый план. В качестве фона мастер выполнил две почти симметричных горки, которые еще больше подчеркивают застылость и статичность композиции. Вероятно, именно в этой иконе из пяти сохранившихся «праздников» Васильевского чина представлен наиболее чистый и яркий колорит. Для иконы из Благовещенского собора характерны вытянутые пропорции фигур, их довольно близкое расположение друг к другу. Велика роль линии: она придает контурам некоторую жесткость, но в то же время и пластичность, подчеркивает локальность цвета. Также заметно отсутствие экспрессии и эмоциональности. В довольно приглушенном охристо-желтом колорите особенно выделяются киноварные одежды Евы, Давида и Соломона. В иконе из Троицкого собора мы также видим удлиненные пропорции фигур, главенствующую роль линии, которая создает четкие угловатые контуры. Здесь видна довольно графичная манера, однако лики прописаны очень объемно, с использованием нескольких слоев плавей. Цвет дан локальный пятнами, достаточно четко отделенными друг от друга. В целом колорит довольно бледный, цвета приглушенные, но среди них четко выделяются ярко-красные одежды Евы и ветхозаветных царей.

В иконе «Вознесение» многофигурная композиция делится на две неравные части: внизу изображена Богородица с апостолами и ангелами, а наверху медальон с Христом, поддерживаемый двумя ангелами. За Богородицей – два ангела, симметричных друг другу, указывающие вверх, на Христа. По правую руку от Богоматери изображена группа из шести апостолов, возглавляемая Петром. Левую группу, также из шести апостолов, возглавляет Павел. Над головами ангелов и апостолов видны горки и едва заметные следы двух деревьев. Христос изображен в желто-охристых одеждах. Его правая рука отведена в сторону в благословляющем жесте, а в левой – он держит свернутый свиток. Круглый медальон, в котором изображен Спаситель, состоит из трех концентрических окружностей. В иконе «Вознесение» из Васильевского чина представлен вариант иконографии, где Богоматерь изображена фронтально с раскрытыми перед грудью ладонями. Правой рукой она обращена к апостолу Петру, и это довольно редкий извод, который встречается на золотом окладе первой трети XV в. с иконы Богоматери Владимирской. В иконе из Благовещенского собора использован тот же извод и, скорее всего, у этих

двух икон была одна прорись. Отличаются лишь небольшие детали. Например, цвет одежд некоторых апостолов и левого ангела, несущего «славу» с Христом, расположение деревьев. В иконе из Троице-Сергиевой лавры повторен тот же извод, что и в двух предыдущих: Богоматерь изображена фронтально, руки раскрыты ладонями перед собой, правая рука обращена к апостолу Петру. От иконы из Васильевского чина так же незначительно отличаются цветом апостольских одежд и отсутствием деревьев, которые, впрочем, могли присутствовать изначально, но были утрачены вместе с подлинным живописным слоем. Таким образом, можно говорить о том, что для всех трех икон «Вознесения», вероятно, была использована одна и та же прорись, которая могла несколько испортиться с течением времени. Чем и можно объяснить столько незначительные изменения в общей композиции для этих трех икон.

В качестве стилистических особенностей иконы «Вознесение» из Успенского собора можно выделить доминирующую роль линии. Ярче всего это проявляется в четко очерченных контурах фигур и в жесткой, ритмичной разделке складок одежд. Здесь почти нет мягких и плавных линий, рисунку присуща некоторая резкость и угловатость. Заметна статичность и застылость позы Богоматери, подчеркнутая симметричным расположением ангелов за ее спиной. Однако вместе с этим мы видим, в каких разнообразных позах и ракурсах представлены апостолы, несмотря на то, что они все смотрят вверх и обращены ко Христу. Мастер использовал достаточно сдержанный колорит с преобладанием светлых теплых тонов, «разбавленный» насыщенными зелеными оттенками. В иконе из Благовещенского собора заметно больше экспрессии, более разнообразно переданы эмоции апостолов, их фигуры стоят не так близко друг к другу. Фигуры вытянуты, их пропорции удлиненные, что особенно заметно в фигуре Богоматери. Для иконы характерен довольно мелкий, дробный рисунок, контуры еще более жесткие, чем в васильевском Вознесении. Иконы сходны по колориту, но в благовещенской иконе красный цвет яркий, насыщенный, в то время как в иконе из Успенского собора выбраны более теплые, приглушенные оттенки. В иконе из Троицкого собора также заметны удлиненные пропорции фигур, но по трактовке композиции икона ближе к васильевскому «Вознесению»: апостолы стоят близко друг к другу, между ними почти нет пустого пространства. Здесь как и в двух других иконах велика роль линии и контура, присутствует некоторая угловатость, что особенно заметно в ангельских фигурах, несущих «славу» с Христом. В троицком «Вознесении» выбран довольно сдержанный теплый колорит, цвета неяркие, приглушенные.

В качестве стилистических черт, присущим всем пяти иконам Васильевского чина можно выделить: статичность, застылость композиции, расположение фигур у самого края, для фигур характерны укрупненные пропорции, задний фон не остается нейтральным или свободным, он закрыт архитектурными сооружениями или лещадками. Также можно говорить о доминирующей роли линии и контура (за исключением «Крещения») и светлом теплом колорите. Манеру нельзя назвать живописной, однако во всех иконах прослеживается тенденция довольно плоскостного написания фигур и объемной живописной моделировке ликов.

Таким образом, «праздники» Васильевского чина ближе к «праздникам» Троицкого собора, чем к московским. Иконографические типы васильевских «Благовещения», «Сретения» и «Сошествия во ад» были затем повторены в Троицком соборе. «Крещение» имеет иконографические особенности, которых нет в двух других, а «Вознесение» во всех трех соборах происходит с одной и той же прориси и почти никак не изменяется.

В целом, можно сказать, что стилистически чины довольно близки между собой, но каждый из них имеет свои специфические черты. При сравнении было выявлено, что для «праздников» всех трех чин характерна главенствующая роль линии, отсутствие ярко выраженной экспрессии, использование светлой и теплой цветовой гаммы. Однако стоит выделить, что по сравнению с «праздниками» из Благовещенского и Троицкого соборов, где пропорции фигур сильно вытянуты, в васильевских

«праздниках» фигуры кажутся несколько тяжеловесными и не такими легкими. Напротив, в благовещенских «праздниках» заметен мелкий, дробный рисунок и есть некоторая тенденция к декоративизации форм. Для «праздников» из Троицкого собора наряду с вытянутыми пропорциями характерна легкость, изящность форм и лаконизм.

1. Алпатов М.В. Андрей Рублев. М., 1959.
2. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. Т. 1. М.: Искусство, 1963
3. Бобров Ю.Г. Основы иконографии древнерусской иконной живописи. СПб, 1995
4. Вейцман К. Ранние иконы // Вейцман К., Хадзидакис М., Миятев К., Радойчич С. Иконы на Балканах. София, Белград., 1967.
5. Демина Н.А. О связях Андрея Рублева и мастеров его круга с искусством и культурой Киевской и Владимиро-Суздальской Руси. // Андрей Рублев и его эпоха. Под ред. М.В. Алпатова. М., 1971.
6. Дудочкин Б. Н. Андрей Рублев. Биография. Произведения. Источники. Литература. // Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV — начала XX веков. Сборник статей в честь Г. В. Попова. М., 2002.
7. Ильин М.А. Иконостас Успенского собора во Владимире Андрея Рублева // ДРИ: Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. XIV-XVI вв. М., 1970.
8. Лазарев В.Н. Андрей Рублев и его школа. М., 1966.
9. Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М., 1983.
10. Морозова Е. И. Эпителии со сценами праздников в системе декорации византийской алтарной преграды (XII в.) // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 1. / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2011.
11. Осташенко Е.Я. Андрей Рублев. Палеологовские традиции в московской школе живописи конца XIV — первой трети XV века. М., 2005.
12. Покровский Н. В. Евангелие в памятниках иконографии: преимущественно византийский и русских. М.: Прогресс-традиция, 2001.
13. Смирнова Э.С. Иконы праздничного ряда из иконостаса Успенского собора во Владимире. // Зограф, №16. Белград, 1985.
14. Щенникова Л. А. Иконы в Благовещенском соборе Московского Кремля. Деисусный и праздничный ряды иконостаса: Каталог. М.: Красная площадь, 2004.
15. Walter C. A New Look at the Byzantine Sanctuary Barrier // REB. 1993. Vol. 51.

Статкевич В.О.

Изображение свадеб в живописи Фландрии XVII века

*Санкт-Петербургский Государственный Университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-17

idsp: 000001:sr-10-10-2018-17

Аннотация

В статье рассматривается появление и развитие изображений на сюжет свадебных торжеств в живописи Фландрии XVII века. Дается описание и анализ ряда известных памятников и определяется круг мастеров, которые обращались к данному сюжету. Также выявляются характерные черты, присущие данным изображениям и хронологические рамки их развития.

Ключевые слова: свадьба, жанровая живопись, Фландрия, XVII век, характерные черты, преемственность.

Изображения свадебных торжеств не редки во фламандской живописи на протяжении всего XVII века. Уже во второй половине XVI века Питер Брейгель Старший обращался к изображению свадьбы и сопутствующих ей увеселений. Наряду с рождением и кончиной свадьба была ключевым моментом жизни простого человека. Это один из важнейших праздников для крестьян, на который собирались всем селением. Важный сакральный смысл этого события был наследием уходящего Средневековья. После

кончины Питера Брейгеля Старшего эту тему в первые десятилетия нового века активно разрабатывали его сыновья Питер Брейгель Младший (Адский) и Ян Брейгель Старший (Бархатный).

Первые полотна Питера Брейгеля Младшего (1564-1636) почти полностью повторяют популярные отцовские работы. За всё своё творчество Питер Брейгель Младший создал около 100 вариаций на тему крестьянского свадебного танца, многие из которых перекликались с детройтским полотном его отца и более ранней гравюрой. Наиболее известные полотна этого типа находятся в Галерее Уолтерс в Балтиморе, в Королевском музее изящных искусств в Брюсселе, в Художественном музее Крокера в Сакраменто, в музее изящных искусств в Генте, в Лувре и в художественной галерее Онтарио в Торонто: все эти картины были написаны в промежуток между 1607 и 1620 годами. В 1610 году была написана ещё одна картина на тему крестьянской свадьбы, она находится в частном собрании Константина Мауергауза и опубликована в книге В.А. Садкова. В основе своей она очень близка к выше упомянутой гравюре Старшего Брейгеля, эта картина демонстрирует схожий композиционный строй, такое же осмысление высокого горизонта и динамично развивающегося, ритмизированного действия танца. В выбранной колористике видно, что сын ориентировался на живопись отца. Несколько другое виденье цвета, с большей игрой светотеневой моделировки демонстрируют более ранние полотна Яна Брейгеля Старшего: «Свадебный танец» (1600 г. Бордо. Музей Изящных искусств) и «Свадьба на свежем воздухе» (1596 г. Антверпен. Музей Майер ван ден Берга). Из этих примеров видно, что картина «Свадебный танец» Питера Брейгеля Старшего была крайне востребована и нашла ряд повторений в живописи его сыновей. По мнению исследователя Жоржа Марлье «Изображение сцен свадебного крестьянского танца принадлежит к числу самых распространённых сюжетов во фламандской живописи начала XVII века и является одним из высших достижений в творческом наследии Питера Брейгеля Младшего». Сыновья великого художника, повторяя детройтское полотно, делают его более занимательным, более сближенным с гравюрой, отвечающим сатирическим стихам под ней.

Сыновья Питера Брейгеля Старшего подражали и тиражировали и другое его полотно «Крестьянская свадьба». Питер Брейгель Младший исполнил около пяти таких картин, в более зрелый период своего творчества, все они примерно датируются с 1616 по 1622 год. Наиболее известны полотна из Национальной галереи Ирландии и частного собрания Константина Мауергауза. Эти работы композиционно повторяют Брейгеля Старшего, более того, тот факт, что они по своим размерам сходны с оригиналом говорит, что по всей видимости Брейгель Младший обладал прорисями- кальками с полотна отца. Более интересно полотно из собрания художественного музея Фудзи в Токио, оно было написано в 1630 и сохраняет старый композиционный строй, однако здесь художник выносит место действия из стен амбара на улицу, усиливая диагональ пиршества архитектурным пейзажем, изображающим фламандское селение. Ещё интересней недатированная «Крестьянская свадьба» из собрания музея Халлвиллов в Стокгольме, где само застолье смещено в правый нижний угол, а от него разворачивается ещё одна линия пирующих на земле, им не хватило места за столом, рядом стоят музыканты. Задний план представляет собой пейзаж деревни с более мелкими жанровыми сценками. В этой картине Питер Брейгель Младший отрывается от наследия отца, вновь фигуры становятся мельче, действие происходит в пейзажно оформленном пространстве. Интересно также отметить, что горизонт становится ниже, а фигурки крестьян более пропорциональными, чем ранее. Однако в колористическом плане сын верен традиции своего гениального отца. Ещё один вариант интерпретации сюжета дают картина «Свадьба в амбаре» и «Свадебные подарки», датируемые 1622 годом, обе они находятся в частных европейских собраниях и скорее соотносятся с традициями, предшествующей графике. В «Свадьбе в амбаре» можно усмотреть мотивы из «Кухни тощих» Брейгеля отца и произведений, связанных с темой крестьянского свадебного танца. Картина «Свадебные подарки» перекликается с любимым в графике мотивом обличения алчности, сидящая на фоне

красного полотнища невеста считает деньги и разбирает свадебные дары, рядом с ней предположительно находятся её мать и отец. Художественно эти полотна не могут быть названы в числе первых, но факт изменения типологии и усиления вариативности очень интересен в данном случае.

Ян Брейгель Старший (1568-1625), как и его брат в начале карьеры активно тиражировал наследие отца, в этом плане очень показательна картина «Свадебный Танец» 1600 года из собрания Савойской галереи в Турине. На ней художник соединил два полотна своего отца «Крестьянскую свадьбу» и «Крестьянский танец». Слева мы видим привычную картину свадебного застолья, правая же часть изображения представляет собой череду танцующих под звуки волынки пар, как это было у Брейгеля Старшего. Стоит отметить, что из-за введения большего количества персонажей картина смотрится менее цельно, имеет дробную структуру, хотя нельзя умолить того факта, что Ян Брейгель Старший делает прорыв в колористике, отказываясь от локальных цветов и жестких контуров, делая свою живопись более мягкой и менее линейной.

Ян Брейгель Старший иногда трактует свадебные сюжеты как торжественные шествия. Одна из таких картин («Свадебное шествие») хранится в Королевском музее Изящных искусств в Брюсселе и написана на рубеже веков. В этом полотне чувствуется всё сильнее нарастающий интерес к пейзажу, который здесь тонко выполнен и занимает не менее важную роль, чем толпа крестьян, идущих к церкви. Сюжет и трактовка фигур крайне не характерны для пасторальной стилистики мастера. Картины с подобным построением композиции активно писал и Питер Брейгель Младший, конечно, его трактовка была жёстче и линейнее, в основном его картины относятся к 1620-м и, видимо, он знал и опирался на наследие брата. Известны его картины собрания Пти Пале в Париже, Вустерского художественного музея (1623) и около пяти полотен из частных коллекций. Скорее всего, наличие схожих вариаций одного сюжета говорит о том, что братья опирались на утраченное ныне полотно Питера Брейгеля Старшего. Более того, если принять во внимание атрибуцию А.О. Ларионова, то в Государственном Эрмитаже хранится рисунок мастера, датируемый около 1565 годом и изображающий двух персонажей, встречающихся на картинах младших Брейгелей. Это определенно говорит о наличии у них основы для подобного композиционного решения, возможно картина отца не сохранилась или братья опирались на его рабочие зарисовки.

Ещё одна работа со схожей трактовкой сюжета, но кардинально отличная по типу, так как не имеет прототипов в искусстве Питера Брейгеля Старшего, датируется 1612 годом и находится в Прадо. Это полотно высокого художественного уровня, на его примере мы видим те изменения, которые начали происходить в искусстве Фландрии. Пейзаж с церковью играет здесь наиболее важную роль, пропорции архитектуры становятся более реалистичными, активно вводится природный стаффаж. Сама процессия крестьян также становится жизнеподобнее, тела людей пропорциональны, художник не ставит своей задачей выявить сатирический подтекст, высмеять пороки. Это изображение наиболее приближено к действительности, это лишённая средневековой аллегоричности жанровая сцена. Как было отмечено выше Ян Брейгель Старший делает серьёзный шаг в освоении колорита. Одно из последних обращений к тематике свадеб у Яна Брейгеля Старшего будет в 1623 году, этим годом датируется картина «Прием свадебных подарков» из собрания музея Прадо в Мадриде. В этом полотне Ян Брейгель Старший ещё прочнее отходит от наследия отца, пейзаж играет всё большую роль, картина наводняется огромным количеством фигур, которые составляют скорее целостную толпу, чем отдельные группы, как это было у Питера Брейгеля Старшего.

Работы Яна Брейгеля Старшего сближают его с ещё одним художником, активно изображавшим народные увеселения и близким к творчеству Питера Брейгеля Старшего. Это Давид Винкбонс (1576-1629), который естественно был знаком с творчеством Брейгелей, был им близок в тематическом плане, но стилистически был самобытен, это отчётливо проявилось и в том, что довольно рано он уехал из Фландрии в Амстердам, где на него влияли и местные голландские живописцы. Картина «Крестьянская свадьба» 1620

года из английского частного собрания демонстрирует близость со стилистикой Яна Брейгеля, но колорит Винкбонса тоньше, прозрачнее и светлее, сказывается опыт обучения письма водяными красками. Винкбонс относит в полотне сцену самого застолья на задний план, невесту мы опознаём лишь по материи натянутой позади, на первый план он выводит сцены готовки и катаний на телегах, это не характерно для подобных изображений. В картине Винкбонса нет чёткого дидактизма и гротеска, как это было у Питера Брейгеля Старшего. Есть ещё одно его полотно «Свадебный банкет в деревне с веселящимися крестьянами», которое композиционно близко, к сожалению, картина является не датированной и плохо изученной, так как происходит из более закрытой частной коллекции. Давид Винкбонс долгое время, проработав в Голландии, всё же сохранил фламандские черты в своей живописи, но стоит отметить тот факт, что наряду с Питером Брейгелем Старшим он стал основой для развития в Нидерландах жанровой живописи.

В 1630-е – 1640-е годы популярность сюжета крестьянской свадьбы сильно уменьшилась, это было время популярности картин на мифологические и исторические сюжеты, выполненные в стилистике Рубенса и его мастерской. В это же время активно работает Адриан Браувер, но его реалистично-гротескное отображение крестьянского быта не находило отклика у публики, хотя и породило целый ряд мастеров, которые подражали Брауверу, интересовались и копировали его творчество и творчество других мастеров близких к более свободным голландским живописным кругам. Из этой среды появляется новая звезда фламандской живописи Давид Тенирс Младший (1610-1690), который своей живописью задаст традицию, которая крепко продержится всю вторую половину XVII века.

Тенирс пишет около шести свадебных сцен. Все они очень близки типологически к работам семьи Брейгелей, это объясняется и тем, что художник был женат на Анне Брейгель, дочери Яна Брейгеля Старшего. Но стилистика мастера сформировалась под сильным голландским влиянием через увлечение Тенирса творчеством Браувера. В 1630-е начале 1640-х он создаёт много полотен, копирующих Браувера. Живопись Тенирса представляет развитие жанра к более идеалистическим формам, она уже не так гротескна, как картины Брейгеля Старшего, хотя и сохраняет все необходимые атрибуты свадебной сцены. Первая картина, изображающая свадьбу, известна из собрания Прадо и датируется 1637 годом, это небольшая сцена у кабака, в которой видна ещё зависимость мастера от Браувера, однако, уже то, что Тенирс выбирает многофигурную композицию, говорит о многом, он постепенно начинает отходить от стилистики Браувера, вырабатывать свой художественный язык. Это более отчетливо видно на полотне 1647 года из того же собрания, которое близко картине из собрания Государственного Эрмитажа. Свадьба 1647 года даёт прекрасное колористическое решение, за которое так высоко ценился Тенирс. Богатая цветовая гамма определяется светящимся стальным синим и белым цветом, подчеркнутым энергичными красными штрихами на переднем плане, в то время как каштаново-красные тона преобладают на заднем плане. Интересно отметить, что свадебная тематика не отражена в названиях полотен из Прадо.

На полотне 1650 года из собрания Государственного Эрмитажа мы видим всё необходимое для классической фламандской свадебной сцены: пиршественный стол, за которым натянута полотнище с тремя коронами, оно обозначает место невесты, отсутствие чётко показанной фигуры жениха, крестьянские танцы под звуки волынки. В самой типологии Тенирс возвращается к истокам, он гораздо ближе по композиции к Питеру Брейгелю Старшему, чем поздние работы Яна Брейгеля Старшего. Но стилистике и культурная основа меняется, аллегорический подтекст почти полностью уходит, в этом полотне нет той позднесредневековой символики, что была у Брейгеля Старшего. Хотя некоторые моменты исследователи и трактуют с позиций иконологии, так, засохшее дерево на втором плане отождествляется с немолодым возрастом невесты.

Интересный свадебный сюжет представлен в полотне Тенирса из Венского музея Истории Искусства, полотно датируется 1648 годом. Оно было заказано эрцгерцогом

Леопольдом Вильгельмом Австрийским, который был в то время наместником в Южных Нидерландах. На нём мы видим фигуру невесты, жениха и волынщика на первом плане, это прекрасно выписанные портреты, сдвинутые к левому краю картины. На заднем плане мы видим развёртывание крестьянского танца. Это довольно редкое изображение подобного сюжета с крупнофигурными персонажами, полотно прекрасно выполнено композиционно и колористически. Оно даёт представление о сложившейся манере мастера, позволяет отметить и те световые и цветовые находки, которые мастер почерпнул из наследия Рубенса. Эта картина не типична для живописи Тенирса, который довольно редко писал крупнофигурные композиции.

Среди учеников и подражателей Браувера, кроме Тенирса, был ещё Йос ван Красбек (1605-1662), он пронёс стилистику своего учителя через весь творческий путь. Красбек особенно любил писать подчёркнуто комические, гротескные сцены на грани буффонады. Таким образом трактована и «Свадьба в крестьянском доме» из Национального музея в Варшаве (илл.8), картина датируется примерно серединой XVII века. Красбек создаёт очень интересную сцену, здесь мы видим не веселую пирушку, а скорее юмористическую зарисовку. Приземистые крестьяне весело танцуют в бедно обставленном пространстве кухни деревенского дома, мужчины пристают к девушкам, в центре находятся фигуры жениха, облаченного в красные одежды, и невесты, по выражению лица которой становится понятно, что она не рада этой свадьбе. Стилистически Красбек верен манере Браувера, полотно выполнено достаточно живописно, подчинено единому серовато-коричневому тону. Фигуры крестьян трактованы укороченными и нарочито карикатурными. Мастер подчёркивает типаж своих персонажей: ярко одетый жених, горделиво выдвигающий вперед свой живот, невеста, с опущенными руками и поникшей головой, эмоциональные жесты веселящихся гостей.

Из интересных полотен второй половины столетия стоит отметить только две картины на тему свадьбы из собрания Национального музея Швеции. Картины эти принадлежат кисти Матеуса ван Гельмонта (1623- после 1674), подражателя Тенирса Младшего и Рейкарта Третьего. Датировка шведских полотен не точная, написаны они были, видимо, после 1650 года. Первое полотно очень близко к живописи Тенирса, это многофигурная композиция в уличном пейзаже фламандской деревни. Интересно то, что Гельмонт вводит в композицию аристократическую супружескую чету, приехавшую на праздник. Она становится у него центром композиции, свадебный стол же сдвинут на задний план, пейзажное решение Гельмонт почти дословно копирует из картин Тенирса, живопись этого художника ярче по колориту, но композиция у него более дробная. Гельмонт перегружает своё полотно персонажами, из-за этого уходит ощущение целостности композиционного решения. Вторая картина мастера представляет собой интерьерную сцену, композиционно она близка к работам брейгелевского круга: на переднем плане танцующие крестьянские пары, а в глубине амбара стол с невестой. К сожалению, сделать более точный анализ живописи не представляется возможным из-за плохой сохранности красочного слоя.

После творчества Тенирса свадебная тематика постепенно умирает, некоторые художники, подражающие ему в стилистике, создадут ещё несколько вариантов, но они не представляют большого художественного интереса. Чаще всего они копируют Тенирса и Брейгелей, а мастера их по праву причисляются к группе фламандских художников третьего круга, стоит отметить также, что конец столетия стал временем кризиса для национальной школы живописи.

1. Бабина Н.П. Грицай Н.И. Фламандская живопись XVII-XVIII веков. СПб.: Издательство ГЭ. 2005.
2. Ларионов А.О. От готики к Маньеризму. Нидерландские рисунки XV-XVI веков в собрании Государственного Эрмитажа. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа. 2010
3. Смольская Н.Ф. Влияние Рубенса и его школы на творчество Давида Тенирса Младшего// Западноевропейское искусство XVII века. Л.: Искусство. 1981

4. Садков В.А. Младшие Брейгели. Картины из собрания Константина Мауергауза. М.: Арт Волхонка. 2015.
5. Смольская Н.Ф Тенирс. Л.: Издательство ГЭ. 1962
6. Cammaerts E. Flemish painting. London: Avalon press. 1946.
7. Davidson J.P. David Teniers the Yonger. Boulder: Westview Press. 1979
8. Ertz K. Jan Brueghel der Altere. Koln. DuMont Buchverlag. 1979
9. Goossens K. David Vinckboons. Antwerp. 1954
10. Klinge M. David Teniers the Younger. Antwerp. 1991
11. Marlier G. Pierre Brueghel le Jeune. Brusseles. 1969
12. Vlieghe H. Flemish art and architecture 1585-1700. Yale university press. 1998.
13. Vlieghe H. Frayicheyt ende kunst daer syne inclinatie toe stryckt : beschouwingen over het mecenaat van aartshertog Leopoid-Wilhelm tijdes zijn landvoogdij over de Zuidelijke Nederlanden (1647-1656).// Sponsors of the past. Flemish art and patronage 1550-1700. Leuven: Brepols publishers. 2005

РАЗДЕЛ VIII. АРХИТЕКТУРА

Разина А.О.

**Архитектурная среда современных санаториев.
Особенности проектирования и дизайна***Российский университет дружбы народов
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-18

idsp: 000001:sr-10-10-2018-18

Аннотация

В статье исследуется формирование архитектурной среды современных санаториев, раскрывается его градостроительное значение, принципы организации территории и функциональные особенности, способствующие оптимальному проектированию санаторных комплексов.

Ключевые слова: архитектура, санаторный комплекс, строительство, санаторно-курортный, современный санаторно-курортный комплекс, проектирования, архитектурная среда, дизайн.

Введение. Санаторно-курортные комплексы имеют огромную значимость для развития ряда территорий, наиболее благоприятных для ведения санаторно-курортной деятельности. Все это свидетельствует об актуальности и необходимости создания условий для развития санаторно-курортной деятельности на территории РФ.

Постановка проблемы. Архитектура учреждений отдыха в нашей стране, проделавшая за короткий срок значительный путь своего развития, находится на сегодняшний день на качественно новом этапе. Переход к комплексному строительству не только создает предпосылки организации отдыха населения на более высоком уровне, но и позволяет решать сложные экологические проблемы благодаря бережному отношению к природе и стремлению к органической связи с ней вновь создаваемой архитектурно-пространственной среды.

Несмотря на высокую схожесть с гостиницами, пансионатами и домами отдыха, санатории имеют значительные отличия. Они заключаются в организации их деятельности, происходящих процессах и оказании услуг, что в основном обусловлено медицинским направлением таких учреждений, а также историей развития проектов санаториев.

Цель данной статьи: Дать описание архитектуре и архитектурным приемам современных санаториев и санаторных комплексов, и рассказать об особенностях проектирования и дизайна санаторных комплексов.

Изложение основного материала. Разработка объектов санаторно-курортного назначения – особая сфера проектирования, в которой тесно переплелись требования к строительству общественных зданий, строгие нормативы к медицинским учреждениям, а также множество специальных требований, требуемых исключительно для санаториев и профилакториев.

Исторически сложившиеся схемы работы и современные тенденции определяют задачи на проектные работы, масштабность которых ставит проектирование санаториев в один ряд с проектированием гостиниц, торгово-развлекательных центров и многофункциональных комплексов. При этом для объектов проектирования данной категории характерно повышенное внимание объемно-планировочным, архитектурным и конструктивным решениям.

В соответствии с определяющими видами природно-климатических компонентов различают санаторные комплексы: климатические и бальнеологические, бальнеопитьевые, грязевые и смешанного профиля.

Но не смотря на вид санаторного комплекса, функционально планировочная структура современного санатория должна состоять из:

- Гостиничного блока. Жилые номера должны иметь диапазон, соответствующий по вместимости, планировке и количеству помещений международным стандартам в зависимости от категории санаторной гостиницы.
- Оздоровительно-реабилитационного комплекса, включающего широкий набор услуг СПА-центра с элементами фитнес- и оздоровительной терапии и косметологии.
- Административно-хозяйственного блока, включающего службы приготовления пищи, прачечную и др.

Лечебная зона организуется в комплексах санаториев, санаторных гостиниц в многофункциональных комплексах, представляющих собой сочетание этих учреждений. При этом в состав зоны обычно включаются водо- и грязелечебницы, курортная поликлиника, лечебные бассейны. Размещение зоны лечебных учреждений должно учитывать удобство сообщения с зоной спальных корпусов.

Административно-приемная зона в большинстве случаев находится при въезде в комплекс. Она включает административные помещения и помещения приемного блока. В зависимости от вместимости и типа комплекса предприятий торгово-бытового обслуживания (отделение связи, банкоматы, служба сервиса, ремонтные мастерские, торговые помещения и пр.) могут быть обособлены в независимую зону или присоединены к административной.

Территория комплекса должна представлять собой благоустроенный парк, в котором расположены здания и сооружения. Целесообразна такая организация территории, при которой компактное размещение застройки позволило бы создать значительные по площади массивы зелени тихого отдыха.

Для строительства курортно-оздоровительных учреждений и их комплексов выделяются живописные лесные массивы, прибрежные территории акваторий, долины и склоны гор, местности с уникальными ландшафтными характеристиками.

Функциональные требования заключаются в создании оптимальных условий эксплуатации здания и обслуживания туристов. Должны быть предусмотрены удобные подходы и подъезды к зданиям.

При проектировании гостиничного предприятия могут быть применены следующие системы застройки: централизованная, блочная, павильонная, смешанная.

Вывод: При решении композиции, планировок, генеральных планов гостиничных предприятий необходимо предусмотреть возможности перспективного развития проектируемого объекта и трансформации учреждения на иной режим функционирования. А так же необходимо четкое соблюдение норм и правил при проектировании санаторных учреждений, и правильных технологий при возведении здания.

Сегодня Евпатория — это курортный, промышленный и культурный центр западного Крыма. Для многих людей Евпатория — это берег здоровья. Евпатория — наиболее известная в Крыму и за его пределами здравница.

1. Российский архитектурный портал. — Режим доступа: http://www.archi.ru/foreign/guide/object_current.html?oid=61&fl=2&sl=3
2. Журнал о дизайне и архитектуре «А3D.ru». Любанов А.Л. Статья «Архитектурное формообразование и коммуникативные пространства». — Режим доступа: <http://www.a3d.ru/architecture/stat/197>
3. Сайт «Архиновости» — Режим доступа: <http://www.arhinovosti.ru>
4. «StudFiles» Файловый архив студентов. — Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/6334335/page:18/>

Янкина А.А.

Современный транспортно-общественный центр

«Инженерной академии» РУДН
(Россия, Москва)

doi: 10.18411/sr-10-10-2018-19

idsp: 000001:sr-10-10-2018-19

Аннотация

В статье исследуется формирование современного транспортно-общественного центра, раскрывается его градостроительное значение, прослеживаются основные тенденции и функциональные особенности, способствующие развитию транспортной системы города.

Ключевые слова: транспорт, общественное пространство, инфраструктура.

Актуальность. Увеличение плотности и численности населения в городах приводит к образованию мегаполисов и агломераций, что в свою очередь создает ряд проблем, одна из которых – транспортная. Тема транспортно-общественных центров в крупном городе или современном мегаполисе является особо актуальной. Одними из важнейших составляющих градостроительного каркаса города являются транспортные пути. Пересечения крупных магистралей формируют транспортно-пересадочные узлы (ТПУ), которые создают комфортные условия для пересадки с одного транспорта на другой. Узлы также могут дополняться общественными функциями. Таким образом, пересадочные узлы преобразовываются в современные транспортно-общественные центры. Это не только функция пересадки между видами транспорта, но и безопасная городская среда с широким спектром обслуживания. [1]

Скорость передвижения и удобство пользования транспортной инфраструктурой во многом определяют комфорт проживания в мегаполисе. Именно формирование современных ТПУ становится основой для создания высокоурбанизированной городской среды. [2]

История формирования транспортных комплексов. Начиная с промышленной эры появляются первые вокзалы, а вместе с ними образуется функция транспортных пересадок. [3]

Слово «вокзал» происходит от английского - «воксал» (Vauxhall) – так в XVIII веке назывался парк и увеселительное заведение в пригороде Лондона. Вокзалы в привычном для нас смысле появились с первой железной дорогой в Англии, 1822–1825 гг. Первое внедрение транспортных коммуникаций в город связано со строительством железных дорог в городской черте, а вместе с ними - появление вокзалов, станций, депо и других сооружений, аккумулирующих большие грузовые и людские потоки. В то время необходимы были усилия, чтобы привлечь пассажиров к новому виду транспорта, поэтому в зданиях вокзалов организовывались концерты, различные празднества. Функциональное наполнение первых «вокзалов» было следующее: театр, рестораны, бальный зал, концертный зал, оранжереи, эстрадный театр, аттракционы. «Вокзалы» характеризовались применением театральных приемов в дизайне зданий: фасады в ярко выраженном стиле эпохи, сложная организация внутри вокзала. Железнодорожный вокзал перенял праздничность театрального здания и развлекательность «воксального» заведения. Сначала на конечных, а затем и на промежуточных станциях стали возводить здания для лиц, совершающих поездки по железной дороге. Так в первой четверти XIX века возник новый тип гражданского здания, железнодорожный вокзал. [3].

Одним из первых вокзалов транспортного назначения стала конечная станция железной дороги Ливерпуль роуд в Англии, открытая в 1830 году. Станция имела 2 платформы, на ней совершались пассажиро и грузо-перевозки. На базе станции

распологались торговые ряды, гостиница и офисы работников станции. Ливерпуль роуд становится прообразом современных многофункциональных транспортных узлов. (Рис.1) [1]

Рис.1. Станция Манчестер Ливерпуль Роад. 1825г.

Таким образом, вокзалы становятся прототипами двух разных общественных объектов: в одном случае это культурно-досуговый центр, в другом «вокзал» теряет свое изначальное значение и приобретает статус транспортного объекта. Общественный объект приобретает транспортную функцию, которая впоследствии становится доминирующей. [4]

Формирование вокзалов периода XIX-XX вв. В период конца XIX - начала XXвв. вокзал становится важным общественным зданием, значимым объектом крупного города, который формирует облик городских площадей. Он включает в себя комплекс зданий для обслуживания пассажиров, грузовых и почтовых операций. Термин «вокзал» полностью теряет свое первоначальное значение и помимо сферы перевозок железнодорожного транспорта употребляется и относительно других видов транспорта. Происходит окончательное изменение в структуре вокзала - исчезают крупные общественные функции, такие как театр, концертный зал, основополагающим фактором становится транспорт. В данный период вокзальные комплексы внешне все еще сохраняют облик развлекательного общественного заведения, изменилось только основное назначение. (Рис.2)

Отличительный признак вокзальных сооружений - дебаркадеры - крытые залы огромных размеров, куда прибывают поезда. Пышно украшенные арочные проемы окон и порталов, фронтоны с барельефами, купола, элементы, свойственные монументальной архитектуре ренессанса и барокко, придавали вокзалам торжественно-парадный вид. [10] Из сопутствующих функций можно выделить обслуживание пассажиров и транспорта: пассажирские залы ожидания, ремонтные депо, кассы, платформы [1].

Рис.2. Старый железнодорожный вокзал Екатеринбурга.
Построен в 1881 году Губониным. Фотография конца XIX века.

В XX в. перед архитекторами ставились задачи создания максимальных удобств для пассажиров, с учетом требований технической и экономической целесообразности. Эти требования привели к созданию объединённых вокзалов для обслуживания пассажиров, совершающих пересадки с одного вида транспорта на другой в едином комплексе. Вокзалы объединялись с другими типами станций - авто, ж/д, аэро, либо с общественными комплексами - торговыми центрами, гостиницами, ресторанами, почтамтами. Терминалы, объединенные разными типами транспорта, имели различную структуру: от взаимосвязанного размещения сооружений рядом, иногда с блокировкой объемов, или полного объединения всех основных пассажирских помещений в одном объеме, с использованием пассажирами различных видов транспорта, общей системой широкой сферы обслуживания: операционных залов, залов ожидания, кафе, ресторанов, справочных, почты, телеграфа, камер хранения [4]. Ярким примером вокзальной архитектуры XXв является Казанский вокзал в Москве (Рис. 3.).

Территория вокзала имела свою парадную площадь. Казанский вокзал имел 6 крытых платформ, залы ожидания, вестибюль для прибывающих пассажиров, рестораны 1 и 2 класса, багажные залы, служебные помещения. В последующие годы вокзал активно развивался и увеличивался, возводились новые залы ожидания, были выведены пути к платформам из метрополитена.

Рис.3. Здание Курско-Нижегородского вокзала. 1907-1910гг.

Многофункциональный транспортно-пересадочный пункт - конец XX в. К концу XX века интерес к формированию крупных транспортно-общественных центров дополняется стремлением к повышению эффективности использования прилегающих территорий. Универсальный терминал этого периода представляет собой насыщенную городскую структуру комплексного транспортного и пассажирского обслуживания. Это сложный многоуровневый коммуникационный пересадочный узел с расширенной сферой обслуживания, включающий комплексы услуг, зданий и сооружений общественного назначения (гостиницы, торговые, развлекательные зоны и стандартные зоны обслуживания пассажиров, размещение автостоянок, пересадочных контуров, вестибюлей и площадей). По характеру функционального назначения узлы подразделяются на транспортный (пункт, на котором осуществляется сдача-приемка грузов) и пассажирский (пункт с возможностью пересадки сразу на несколько видов транспорта: автобус, поезд, метро, аэроэкспрессы и др.). [4] Ярким примером синтеза большого количества функций в одном терминале служит вокзал в Киото, возведенный по проекту Хироси Хары в 1997 году (Рис.4).

Здание включает в себя помимо транспортных платформ - гостиницу, несколько торговых центров, кинотеатр, офисы и местную администрацию. Платформы нулевого и минус первого уровней связаны с главным зданием многочисленными лифтами,

лестницами и эскалаторами, а между этих связей расположились зоны отдыха. Пешеходные переходы связывают перроны между собой, вокзал и привокзальную площадь. Автомобильные парковки расположены как на привокзальной площади, так и непосредственно под ансамблем. Почти все сервисы и услуги можно найти, не покидая комплекса, - это маленький город внутри большого. [12]

Рис.4. Железнодорожный вокзал Киото. Япония.

Городской подцентр с транспортной функцией (начало XXI в.). Современный транспортный комплекс - это сложный и загруженный элемент инфраструктуры города, потребляемый значительный объем электроэнергии. Как следствие возникает новое направление организации современных транспортных узлов с комплексным подходом, с использованием современной ресурсосберегающей архитектуры и экологическими приемами, а также развитием новых внутренних транспортных связей. Существующий пример энергоэффективного терминала – международный аэропорт в Аммане. Исходя из особенностей климата и резкого перепада температур. Чтобы минимизировать данный фактор, архитекторы спроектировали здание, с применением крупных бетонных блоков, способствующих рассеиванию тепла и обеспечивающих тень в дневное время (Рис.5.). Современное понятие вокзала сильно изменилось. Транспортная станция как отдельная утилитарная функция уходит в прошлое. Пересадочный узел становится частью общественной организации пространств города с системами безопасности человека и возобновления природных ресурсов. [4]

Рис.5. Международный аэропорт. Амман, Иордания. 2013г.

Структура современного комплекса. В современном городе транспортные узлы трансформируются и имеют множество назначений. Система должна быть не просто функциональна, но и привлекательна для горожан. Транспортная функция является основополагающей, но не определяющей пространственное содержание

такого узла. [11] Внедрение в эксплуатационный перевозочный процесс новых видов транспорта, (скоростной трамвай, монорельсовый транспорт) усложняет планировочную организацию ТПУ, однако в любом случае оптимальное планировочное решение multifunctional узла должно обеспечивать выполнение следующих обязательных требований: создание комфортных условий пересадки для пассажиров, минимальные затраты времени на пересадку, безопасность пассажиров, информативность.

В современной транспортной политике мегаполисы понижают негативное влияние транспортной сети, снижающей качество городской среды. Транспортная структура сокращается и подчиняется интересам развития города как целостного организма. Приоритет над индивидуальными перевозками приобретает развитие общественного транспорта. Повышается разнообразие и гибкость осуществления мобильности благодаря высокотехнологичной инфраструктуре и возможности формирования персонального маршрута в режиме онлайн задолго до совершения поездки. Развитие искусственного интеллекта и компьютерной техники позволяет внедрять полностью автономные транспортные системы на основе автопилотируемого сообщения.

Из современных тенденций развития пересадочных узлов в структуре мегаполиса можно выделить следующие:

1. *Концепция «город внутри города».* Она подразумевает создание на территории ТПУ объектов социально-бытового назначения, гостиниц с парковками, офисов, пешеходных эстакад, сети велосипедных дорожек и т.д. Такое дополнение транспортной функции способствует увеличению пропускной способности вокзалов, создает социальные и экономические преимущества. [1].

2. *Тенденция интенсификации использования пространства* транспортно-общественных центров и прилегающих территорий: активно используются прирельсовые территории, уровни и платформы, размещаемые над и под железнодорожными путями и др. Прирельсовые территории активно озеленяются и застраиваются новыми общественными и жилыми комплексами, которые связывают разрозненные жилые районы. Формируемые транспортно-общественные центры не только обслуживают жителей всего города, зачастую они становятся центрами новых жилых образований.

3. *Пространственное разделение транспортной и общественной функций:* создаются зоны для разных групп пассажиров, посетителей объектов обслуживания, пребывание пассажиров в транспортной зоне минимизируется.

4. *Улучшение эстетических качеств и комфортности среды:* организация разномасштабных пространств с включением водно-зеленых объектов.

5. *Экологическая направленность и инновационные тенденции территории:* комплексное благоустройство и озеленение не только общественных пространств, входящих в состав центров, но и обширных территорий вдоль транспортных коммуникаций. Энергоэффективность зданий, как формообразующий элемент, или как отдельная утилитарная функция. [7]

6. *Создание индивидуального архитектурно-художественного образа* каждого центра: транспортно-общественные центры рассматриваются как своего рода ворота в город, которые формируют первое впечатление о городе.

7. *Высокая технологичность:* глобальная автоматизация внутренних процессов терминала, замена старого оборудования, продвижение системы «Умный вокзал», нацеленной на безопасное времянахождение посетителей, пассажиров, сотрудников и маломобильных групп.

Заключение. Уроки прошлых столетий не прошли даром, сегодня развитые государства стремятся улучшить качество городской среды и повысить приоритет общественного транспорта над личным. Для этого необходимо сформировать

осознание того, что работа транспортной сети должна быть подчинена интересам развития городской среды, а не собственным интересам бесконечного роста и экспансии окружающих территорий.

Современные градостроительные условия размещения комплексов характеризуются переходом от ступенчатой системы обслуживания к принципу фокусирования, а также развитием и увеличением взаимодействия между обслуживанием и транспортной системой. [9]

Объективные процессы градостроительного развития свидетельствуют о важности формирования в крупных городах транспортно-общественных центров на основе транспортно-пересадочных узлов. В результате преобразований транспортно-пересадочные узлы становятся не только фокусами деловой и общественной активности, но и новыми архитектурно- композиционными центрами города. [8] Чёткое распределение ролей в транспортной сети обеспечит гармоничное развитие самого города: развитый общественный транспорт в центре генерирует пешеходные потоки, которые повышают востребованность территорий, равно как и качество инфраструктуры, включая функционал «первых этажей». Личный транспорт на периферии высвобождает полезные земельные ресурсы в центре городского ядра и повышает связность города и его пригородных территорий. [13]

Основными тенденциями в формировании современных общественно-пересадочных центров служат: наличие развитых коммуникационных зон, значительный запас пропускной способности основных коммуникационных элементов, четкое вертикальное и горизонтальное зонирование территории ТПУ, интуитивно понятная навигация, обеспечение жизнедеятельности маломобильных групп населения. [6]

1. Чупарин Е.Н. История возникновения и современные тенденции развития транспортно-общественных центров // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость № 3 (18) 2016. С. 180–189.
2. Башкаев Т.И. Типология и классификация современных транспортно-пересадочных узлов // Архитектура и строительство России. 2011. № 5. С. 23–28.
3. Батырев В. М. Вокзалы / В. М. Батырев. - Москва: Стройиздат, 1988.
4. Башкаев Т.И. Место транспортно-пересадочных узлов в новой градостроительной парадигме // Архитектура и современные информационные технологии. АМІТ. № 4 (33) 2015.
5. Семенов Е.И. Методология совмещения торгово-развлекательных центров с транспортно-пересадочными узлами: Диссертация на соискание уч. степ. канд. технич. наук. – Москва. 2016. – 165 С.
6. Булгакова Е.А. Савичева А.А. Современные тенденции проектирования транспортно-пересадочных узлов в инфраструктуре мегаполиса // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2015. № 4 (13). С. 155–157.
7. Степура М.Г. Характерные тенденции формирования и развития транспортно-общественных центров // Архитектура: сб. науч. трудов. 2008. № 1. С. 69–72.
8. Михайлова Е.В. Архитектурная среда общественно-торговых комплексов с многоуровневыми подземными структурами: Автореферат дис. на соискание ученой степ. канд. архитектуры. – Москва. 2012. – 27 С.
9. Любимов В.В. История развития железнодорожного транспорта // Учебное пособие – Пермь: Пермский институт железнодорожного транспорта. 2010.
10. Янкина А.А. Разработка концепции ТПУ «Измайлово» // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых учёных и студентов. – Т. 1. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 524-525.
11. Блинкин М.Я. Безопасность дорожного движения: история вопроса, международный опыт, базовые институты / М.Я. Блинкин, Е.М. Решетова. – М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2013. – 170.
12. Дудаков Д.С. Историческая ретроспектива роли транспортных сетей в развитии городов // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – №3(44).

Научное издание

Наука России: Цели и задачи

Сборник научных трудов, по материалам
XI международной научно-практической конференции
10 октября 2018 г.

Часть 1

SPLN 001-000001-0341-SR

Подписано в печать 23.10.2018. Тираж 400 экз.
Формат 60х84 1/16. Объем уч.-изд. л. 4.6
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович